

Любовь Гайдученко

Глас
Глас вопиющего в пустыне

ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Любовь Миллер

18+

Августа Миллер
Глас вопиющего в пустыне

«Автор»

2008

Миллер А.

Глас вопиющего в пустыне / А. Миллер — «Автор», 2008

Короткие повести, рассказы, фантастика, публицистические и философские эссе. Содержит нецензурную брань.

© Миллер А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Сукина мать	5
Божий дар с яичницей	30
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Августа Миллер

Глас вопиющего в пустыне

Сукина мать

Глава 1

В нашем роду существовали какие-то странности по поводу рождения и смертей. Я застала свою прабабушку, так вот она и родилась и умерла в год Змеи. Ее дочь, то есть, моя бабушка, родилась в год Дракона и умерла в мой год – в год Тигра. В свою очередь ее дочь, то есть моя мать, родилась в год Змеи и умерла в год Лошади (к тому же, в год Огненной Лошади). Я родилась в год Тигра (причем, в год Белого Тигра), а моя дочь – в год Лошади. У меня зародилось сильное подозрение, что я умру в год Дракона, а моя дочь – в год Змеи... Из этого рода только мы с ней дожили до Миллениума, проводили второе и встретили третье тысячелетие, и опять же, эти знаменательные годы пришлось на тех животных, которые были так характерны для нашей семьи – рубеж тысячелетий, 2000 год, был годом Дракона, а первый год нового тысячелетия пришелся на год Змеи. Я знала совершенно точно, что год Змеи – это самый страшный год из всего этого цикла, например, 1917 и 1941 – что такое эти годы для русских людей, пояснять не надо. А я умудрилась в самый первый день нового тысячелетия (по китайскому, разумеется, календарю – 24 января) сломать ногу.

После этого моя жизнь покатила под откос в бешеном темпе. В следующем году я, как последняя идиотка, продаю свою шикарную (пусть и небольшую) квартирку в Петербурге, а моя дочь (для кого все это и было сделано – чтобы переселиться в Москву, где она обрелась) страшным образом предает меня. Об этом речь впереди. Затем следует целый год (или даже больше?) невыразимых мучений – вплоть до голода и холода, дальше умирает единственное существо, которое меня любило – мраморный дог Дэнди, чья смерть поставила, можно сказать, крест на смысле моего пребывания на этой Земле – может быть, большинство меня не поймет, но я никогда так не страдала от потери людей, как от этой потери. Но такова уж я! Именно потому, что я совершенно не похожа на остальное человечество, я и решила написать эту книгу. Но я не буду спорить и с тем утверждением, что я просто-напросто кадр для психиатра, страдающий ярко выраженной манией величия.

Материал, который подтвердит или опровергнет это, перед вами, и судить обо мне может абсолютно всякий, которому случайно попадет эта книжица (если у меня хватит терпения довести все это до конца). Ну вот, преамбула закончена, можно начинать с самого начала. Маленький, но очень симпатичный городок в Сибири – место рождения, а время рождения тоже не совсем заурядное: еще жив тиран, эпоха называется сталинизмом, поэтому городок этот полон людей, которые в нормальное время жили бы себе в столицах – это так называемая интеллектуальная элита страны: высланные врачи, артисты, писатели и прочая интеллигенция, и даже совсем уж какие-то «большие люди» (например, директором местного драмтеатра был Бен-Гурион, впоследствии ставший премьер-министром Израиля). Разумеется, я была совсем малышкой и не смогла воспользоваться духовным богатством, которым наверняка обладали все эти люди. Их Духовность незримо, но явственно окутывала городок, создавала ауру, которую я чувствовала еще в младенчестве. Помню, что меня удивляли эти лица, встречающиеся в большом количестве, на которых был явный отпечаток незаурядности и интеллекта, конечно, все это я воспринимала абсолютно бессознательно, как и положено ребенку в раннем детстве. Правда (опять же, это слишком невероятно, и мне наверняка не поверят, но, коль уж я взялась описать свою жизнь, то собираюсь писать одну только чистую правду, а иначе – какой в этом смысл, я ведь не Ганс Христиан Андерсен?), первые проблески моего сознания нача-

лись, видимо, фантастически рано. Я помню, как я очень громко расшатываю свою качающуюся кроватку, мне нравится это делать, но в это время приходят от соседей с просьбой уговорить меня – за стеной умирает (от саркомы) молодой парень, ему плохо от всякого шума. И я СЛЫШУ эти слова! Это значит, что мне – сколько? Пять, шесть или больше месяцев? Невероятно.

Дальше – больше. Моя бабушка со стороны отца умерла, когда мне не исполнилось еще и года. Я помню, как она пришла и принесла мне расшитые рукавички, помню ее лицо. Моя мать совершила мезальянс – она вышла замуж за простого мужика, поэтому мою бабушку с этой стороны звали Марфа, и лицо ее было – э, как бы это сказать, несколько красномордым... Потом я помню, как меня несет на руках моя тетушка (младшая сестра матери), а рядом идет прабабушка – она перестала ходить, когда мне еще не было года, у нее отнялись ноги от тяжелой болезни (она чудом выжила). А тут она ИДЕТ. Мы заходим в комнату, освещаемую тусклым желтым светом, и там в гробу лежит моя бабушка Марфа, а все вокруг воют или что-то в этом роде, короче, издают странные для меня вопли.

Еще я помню, как мне не нравилась рожа Сталина – наверное, я чувствовала, как от него идут дьявольские токи, а он ведь тогда был во всех газетах, на всех журналах – и я его черкала, черкала жирным черным карандашом, пытаюсь зачеркнуть, убрать из жизни единственным доступным мне способом. И таким образом однажды я чуть не подвела под монастырь свою бабушку – к ней пришел сослуживец (про то, кем была моя бабушка, потом). Она рассказывала, что увидела его полные ужаса глаза и залепетала, что «это ребенок сделал»... В то время, естественно, и за меньшее сажали. Но сослуживец оказался порядочным человеком и не донес.

Это мне не было еще и трех лет (Сталин умер в марте 53-го, я родилась в августе 50-го), а в четыре года я уже умела читать и знала наизусть всего «Евгения Онегина». Меня привели на елку на бабушкину работу. Все дети декламировали что-то там типа «наша Таня громко плачет», и им за это давали подарки. Меня тоже поставили на табуретку, и я начала: «Мой дядя самых честных правил...» Слушали долго, наконец, поняли, что я не собираюсь останавливаться. Тогда меня попытались стащить с табуретки – я не давалась и брыкалась, а сама все читала Пушкина. Мне, честное слово, было странно, что можно НЕ ХОТЕТЬ СЛУШАТЬ ПУШКИНА!!! Мне это казалось просто свинством, ведь это же не какой-то там детский лепет! Но в итоге меня стащили, я закатила страшную истерику, меня увели домой – вот когда я в первый раз поняла, что человечество не нуждается в НАСТОЯЩЕМ, ему нужны всякие там фигли-мигли и суррогаты!

От рождения я была наделена абсолютной грамотностью (так же, как музыканты рождаются с абсолютным слухом) и абсолютным восприятием любого печатного слова. Читала я запоем все, что под руку попадалось, никто меня не контролировал. И уже к годам 8—9 перечитала всю русскую (а потом и зарубежную) классику. В школе мне было скучновато – все, что там преподавалось, я схватывала на лету, с первого объяснения, а учителя примитивно разжевывали, объясняли по тысяче раз для всех прочих детей, резко от меня отличавшихся. Сначала я была круглой отличницей, а потом, став старше, стала идти поперек течения – спорить с учителями, доказывать им что-то... Поэтому кончилось в итоге все не очень-то хорошо – взрослые того времени не любили, чтобы дети отстаивали свою точку зрения и свою независимость. (Да и сейчас, наверное, не любят?). Но все равно – в младших классах я была «звездой»: меня возили на всякие городские и областные заседания, где я своим звонким пионерским голоском выводила всяческие «приветствия», я была непременным конферансье нашей художественной самодеятельности, я побеждала на всяческих олимпиадах и смотрах, я оттрубила в музыкальной школе 7 лет, пиликая (чудовищно!) на скрипочке, я написала пьесу для зоологического вечера, которую потом ставили в других школах (мне нравилось, в основном, что для ее написания меня отпускают с уроков). Еще я ходила в радиокomitee, где была детским диктором, вместе с двумя другими детьми – девочкой и мальчиком, и настоящей актрисой из местного

драмтеатра мы читали радиогазету, и помню, как всегда начинала ее я: «Здравствуйте, ребята! Слушайте радиогазету „Пионерия шагает“». Впрочем, в радиокомитете мне очень нравилось – это был процесс НАСТОЯЩЕЙ работы.

И вот, наконец, детство кончилось. Бабушка была уверена, что ее суперталантливая внучка будет учиться, конечно же, «в университете». Не дворником же быть такому сокровищу! (Но получилось так, что и дворником пришлось побывать.) «Университетов» было довольно много, но ни один не был закончен – не вписалась я в систему, когда в гуманитарных науках царил марксизм-ленинизм. Население одной шестой части суши безудержно врало и лицемерило, а я делать этого не хотела! Я же говорю – я не похожу на всех остальных. Вот почему мне удалось чуть ли не полвека провести во внутренней эмиграции. Это было тяжело, я все время попадала во всяческие истории, но жила я исключительно для себя, а не «для общества», хоть и сказал какой-то самый главный в то время корифей, то ли Ленин, то ли Маркс, что «жить в обществе и быть от него свободным невозможно». А я вот всей своей жизнью опровергла коммунистического мудреца – я по сей день свободна от нашего безграмотного общества.

Мне исполнилось 19 лет, я уже успела влипнуть в несколько историй. Одна из них – за то, что я бросила университет и не удержалась ни на одной из работенок (массовик-затейник в кинотеатре, учетчица на механическом заводе и так далее в таком же роде), по советским законам я считалась тунеядкой – а это было в то время очень, очень серьезно (вспомним Иосифа Бродского), меня пригласили в горком ВЛКСМ (наверное, нынешнее поколение даже не знает, что это за зверь такой), где начали «прорабатывать» – типа того, что я «позорю звание комсомолки». И я, недолго думая, бросила этим «руководящим и направляющим товарищам» на стол свой комсомольский билет.

О... это я сделала очень даже напрасно – отныне мощная государственная машина поехала прямо на меня, так как я стала ее врагом. Ну а дальше следовали вторая, третья, четвертая истории..., что было, согласитесь, очень закономерно и плавно вытекало из первой. Советская власть таких, как я, давила в психушках. Теперь мы знаем, что тот, кто не хотел жить по ее законам, назывался диссидентом и был ею уничтожаем, но время моей молодости называлось «брежневским застоєм», поэтому меня не расстреляли без суда и следствия, как миллионы при Сталине. И за то спасибо. Но вот ведь странно, что и в психушке меня почему-то не удалось сгноить! Судьба меня, что ли, как Онегина, хранила?

Вспоминать это, конечно, очень страшно, но надо. Тем более, что это было давным-давно, уже чуть ли не 40 лет назад (Как же незаметно пробежало время – вот я и уже пожилая тетка, а все еще ощущаю себя девчонкой!!! Смотрю в зеркало и думаю: «Неужели эта жирная старая уродина – я???»). Бабушка уехала в Казань – там у нее родилась еще одна внучка (у моей тети), и надо было помогать. Я осталась дома одна. Как я уже писала – я побросала все эти глупые «работы» (ни уму, ни сердцу) и «обдумывала житье», что же мне делать дальше. И вдруг пошел какой-то странный слухок. Город был не такой уж большой, слухи распространялись мгновенно – якобы меня собираются отправить в психушку, не помню, кто это сказал, кажется, недоброжелательно настроенная соседка. Я еще спросила – за что же, неужели я бегаю голая по улице?

Эти разговоры, естественно, меня встревожили. У меня тогда была подруга старше меня лет на 15, она работала в редакции местной газеты (впоследствии и она меня предала, об этом речь впереди). Она меня успокаивала – ты, мол, не слушай все эти глупые бабьи сплетни, никто тебя никуда не посадит, сажают психов, опасных для общества, а ты совершенно нормальный человек. Ну я как-то и слегка успокоилась, ведь и правда – что я такого особенного сделала, чтобы все было так серьезно?!

В один прекрасный день к нашему дому подъехала санитарная машина, и в дверь начались дикие пронзительные звонки. Я, естественно, испугалась и не открывала. Тогда дверь,

ничтоже сумняшеся, вышибли... Меня подхватили под белые ручки два дюжих дяденьки в белых же халатиках... Я еще успела пролепетать: «Что вы, собственно, мне инкриминируете?», продемонстрировав свой интеллект и знание иностранной лексики, и совершенно напрасно, так как дяденьки меня даже не поняли, увы.. Дальше было совсем страшно. Дядька по фамилии Кулешов (у меня отвратительная память на имена и фамилии, люди со мной знакомятся, называют себя – я тут же забываю, и потом бывает очень неудобно, но эту фамилию я запомнила, как видите, на всю жизнь) – по всей видимости, врач, психиатр местной больницы – сообщил мне, что я считаюсь в нашем городе антисоветчицей, и вообще непонятно, на что я способна, власти думают, что на всякую бяку, и поэтому ему поручено загнать меня, как он выразился, «куда Макар телят не гонял» и «сгноить», поскольку Советская власть не потерпит таких злостных элементов, как я.

Собственно, я никоим образом открыто не выступала против нашей родной Советской власти (что я, совсем дура, что ли, я и в молодости понимала, что это чревато большими неприятностями), но вот мой образ жизни все-таки был довольно нестандартен для того времени. (Может быть, он и для нашего чересчур свободного времени не так уж стандартен, просто мне следовало родиться в какой-нибудь свободной стране, а не в нашей матушке России, где люди сплошь заражены предрассудками и комплексами, и все, что мыслит не по их убогому шаблону, относится ими к разряду крамолы, опасной для их обывательского спокойствия).

Я по молодости, видимо, не совсем понимала опасности своего положения, тем более, что я знала о себе, что ничего такого плохого я не совершила и что совесть моя чиста. Это последнее – чистота моей совести – всегда играло роковую роль в моей жизни. Все плохое со мной совершалось исключительно потому, что я была, по большей части, совершенно уверена в своей правоте и вела себя соответственно, то есть, независимо. Если бы у меня когда-либо было рыло в пушку, то я бы унижалась, пресмыкалась, подлизывалась, просила о снисхождении, и со мной бы поступали, я уверена, более мягко. Но нет – когда я видела подлецов, я никогда не ложилась под них (поймите меня правильно, я имею в виду – морально). Я всегда оставалась «на вершинах гор» и не снисходила до униженных просьб о пощаде. Более того, я всегда высказывалась и называла вещи своими именами, то есть, объявляла сволочи, что она (он) – сволочь. Гордо, красиво, конечно, но очень, очень глупо – ведь кончится это тем, что очередная оскорбленная мной сволочь просто сделает из меня жирненький такой трупик, тем более, что в наше время с этим проблем нет никаких.

Так вот, возвращаясь к нашим баранам – то есть, к доктору Кулешову. В ответ на его запугивания я заявила, что он просто палач в белом халате, после этого, естественно, Кулешов пришел в дикую ярость и стал орать, что вот сию секунду он сотрет меня с лица земли, и никто не узнает, где могилка моя. Он кликнул медсестру, и мне в задницу всадили приличную дозу, кажется, сульфазина (это меня потом знакомые медики просветили) – это такой препарат, который превращает буйных сумасшедших в тихих и ласковых овечек. На меня же он произвел такое действие: я не могла пошевелить ни одним членом, а мое тело превратилось в один сплошной комок дикой непрерывной боли. Это длилось часов 12. К тому же, меня поместили в отдельную палату, а ночью ко мне впустили настоящую больную – наверное, для устрашения; как я теперь понимаю, у женщины был послеродовой психоз. Она подошла ко мне – может быть, Кулешов надеялся, что она меня придушит? У меня душа ушла в пятки, но нет – к разочарованию моего мучителя она только брызнула мне из груди молоком прямо в глаза и после этого забила в угол, вскоре ее увели.

На следующий день, когда я пришла в себя, наш гуманный медик стал требовать, чтобы я извинилась. А когда я удивленно спросила – за что же я должна извиняться, ведь то, как я его охарактеризовала, исключительно соответствует действительности, он совершенно вышел из себя и сообщил мне, что я очень пожалею о своем поведении (тоже мне Зоя Космодемьян-

ская, тьфу!) и что меня отправят в такое место, где очень быстро из меня сделают идиотку, у которой изо рта течет слюна.

В это самое «место» меня сопровождали два мужика, и, хотя им даже выдали наручники (они мне их только продемонстрировали), меня совершенно не караулили, заявив мне, что они прекрасно понимают, что никакая я не сумасшедшая, а просто глупая девка, влипшая в какую-то темную историю, всю дорогу пили и оставляли меня одну, так что я вполне могла сбежать по дороге, но я (ведь «моя совесть была чиста»!), решила испить чашу до конца. Молодая была, сил было много, тянуло на подвиги. Еще я успела (какая-то мелочь завалилась в карманах моей одежды) дать телеграмму бабушке в Казань. Как потом выяснилось – получив эту телеграмму, мои родственники чуть ли не завалились в глубокий обморок, а бабушка, можно сказать, в чем была, в ту же секунду побежала на самолет спасать свою несчастную внучку, которую везли в глухую тайгу, где содержались самые безнадежные психи (эта больница была знаменита на всю Сибирь).

Как сейчас помню – ощущения от того, что я увидела, были весьма острые. В основном, было страшно глядеть на всех этих несчастных людей, ведь я с таким никогда не сталкивалась. Я не буду всего этого описывать, отсылаю тех, кому это может быть интересно, к фильму «Полет над гнездом кукушки».

Но карательная система неожиданно оказалась довольно мягкой. Наверное, тут сыграли роль несколько факторов. Во-первых, моей судьбой прониклась женщина – жена главного врача и сама врач, я ей почему-то понравилась – может быть, своей начитанностью, не знаю, чем еще, но я вызвала ее неподдельный интерес. А может быть, она просто оказалась хорошим порядочным человеком, не захотевшим ломать жизнь совсем зеленой девчонки. Во-вторых, ради меня прилетела комиссия аж из трех человек из Москвы. Они побеседовали со мной, и главный из них, симпатичный и довольно молодой (на каких-нибудь восемь-десять лет старше меня) сказал, что понимает, почему я сюда попала, как он выразился – вела я себя довольно опрометчиво, а в нашей жизни нужно быть осмотрительнее, не дразнить гусей... И что на первый раз мне это сходит с рук, так как они меня выпускают, но чтобы я задумалась и в будущем никогда... чтобы сделала капитальные выводы из всего случившегося... и так далее в том же роде. Я обещала. В-третьих, буквально через два дня появилась моя бабушка, успевшая побывать в самых высоких инстанциях. Она привезла мне огромную сумку всякой вкусной еды, среди которой были и апельсины (это сейчас они на каждом углу, а тогда, в конце 60-х, были страшным дефицитом). Но я не смогла этого есть.

Моя благодетельница-врач после первой же нашей беседы поместила меня в маленькую отдельную палату в конце коридора (а самую первую ночь я провела в огромной палате №6, битком набитой жуткими физиономиями хронических больных). То ли запах апельсинов среди этого смрада привлек этих несчастных, которые годами были лишены всего на свете, то ли почувствовали они что-то необычное звериным своим чутьем (а они и были уже почти животными – и болезнь, и вся эта страшная беспросветная обстановка давно лишили их человеческого облика), но они стали заглядывать ко мне в комнатку, и кусок застрял у меня в горле: я раздала им все содержимое этой бабушкиной сумки, которую она с трудом приволокла, чтобы как-то утешить любимую внучку, попавшую в такую беду, – раздала все до последней крошки.

После этого смертельно напуганная бабушка сгребла меня в охапку (она боялась, что инициаторы всех этих дел из моего родного городка могут еще раз предпринять что-нибудь в этом роде, и тогда уже мне не сдобровать) и увезла сначала в Казань, а оттуда я уехала в Петербург, который в то время назывался Ленинградом. Но это совсем уже другая история.

Глава 2

Город Санкт-Петербург – особенный город. Для каждого он свой, и в моей жизни он сыграл гораздо большую роль, чем даже сибирский городок, в котором я родилась. Теперь, когда я объездила полмира и видела множество знаменитых своей красотой и уникальностью

городов – ну, например, Париж, Венецию, Прагу, я могу со всей ответственностью сказать, что Санкт-Петербург затмевает все на свете. Может быть, есть города еще красивее, чем он. Но то, что ощущаешь, когда ходишь по его улицам, не ощущаешь больше нигде. Может быть, это ощущения только русского человека, и ни один иностранец ничего подобного не испытывает – я не знаю. Но я знаю сколько угодно людей, которые любят этот город, как сумасшедшие, жить без него не могут, и в каком бы городе ни протекала их жизнь, они еще и еще возвращаются в Петербург: он, как огромная планета, всегда держит их в поле своего притяжения.

Мне же там больше делать нечего, для меня это город мертвых. Все, кого я любила там в молодости, умерли, и я, молодая, тоже мертва. Не уверена, что стоит воскрешать эти годы – вполне возможно, что я буду писать это со слезами на глазах, а сентиментальность – качество, которое никогда не было мне до сих пор присуще, раньше я презирала это. Видимо, с годами человек становится более мягким – или более уязвимым, что понятно – нельзя остаться невозмутимым и спокойным, если жизнь тебя как следует потрепала, а синяки и раны в душе хоть и невидимы, но гораздо болезненней, чем на теле.

Когда я училась в музыкальной школе, к нам часто приезжали музыканты из больших городов, причем многие из них были с мировым именем, тогда считалось не зазорным такому артисту приехать в маленький городок и выступить перед детьми или студентами музыкального училища. И уже после того, как я закончила школу, я часто приходила на такие концерты, которые происходили в маленьком учебном зале музыкальной школы. И однажды я пришла на концерт пианиста – преподавателя Ленинградской консерватории, и это стало отправной точкой всей моей дальнейшей жизни, всего того, что случилось со мной потом.

Случайно получилось так, что мы познакомились, и почему-то нам захотелось пообщаться подольше, и пианист пригласил меня в гостиницу, где мы проговорили всю ночь. Ничего банального и пошлого не было – потому что я была молоденькая чистая девушка, а он не был донжуаном, соблазняющим неопытных девушек, это один из самых порядочнейших людей, встреченных на моем пути. (Он жив до сих пор и сейчас уже много лет живет за океаном и, к сожалению, не испытывает тоски ни по Петербургу, ни по мне – я вообще не знаю, что он за человек, чем он живет и что он чувствует, потому что не видела его уже лет 30, а мои полудетские воспоминания о нем и о том, что было между нами, в общем, ничего не стоят, это как легкая рябь на воде от ветерка – кажется, я украла этот образ у Стефана Цвейга из его «Письма незнакомки»).

Когда я приехала в Ленинград после описанных в первой главе событий, естественно, что я в первую очередь разыскала пианиста – ведь я больше никого в Питере не знала. А он привел меня в дом к своему педагогу – профессору консерватории, ведь мне негде было жить. Надежда Иосифовна была восьмидесятилетней и очень больной, в домработницы тогда шли случайные бабы, пьяницы и даже мошенницы, потому что «нормальные» советские люди всегда имели «нормальную» работу – на заводах и фабриках, безработицей в СССР, в отличие от нынешних времен, не пахло, право на труд было священным правом, записанным в советской Конституции. Так что пианист правильно рассудил, что мы будем полезны друг другу.

Я очень жалею, что не встретила Надежду сейчас, когда я такая старая и такая мудрая (это такое идиоматическое выражение, не принимайте его всерьез. «Такая мудрая» совершает ТАКИЕ глупости, которые и не снились той в небытие ушедшей девчонке). Представляю, как развлекалась она (внутри, конечно), слушая все те бредни, которые я выдавала в 20 лет! Наше общение длилось недолго – года три. Теперь-то я поняла, что она была центральным человеком моей жизни. Ни с кем и никогда мне не было так интересно, как с ней, да сейчас и быть не может таких людей: огромный талант, соединенный с поистине энциклопедическими знаниями, с потрясающей эрудицией. Ей можно было сказать все – она все понимала. Конечно, та дурочка, которой я была, не смогла в полной мере оценить эту гигантскую по силе духовности личность. Наверное, в прошлом, а тем более, в позапрошлом веке таких людей было много,

но в нашем двадцать первом веке они вымерли, как динозавры. Да и что им делать в нашем убогом обществе, где вершиной искусства считается какая-нибудь «Фабрика звезд»???

Я была глупой девицей, и нет мне прощения – я убила Надежду собственными руками. Не буквально, конечно, но какая разница? Мне надо было беречь ее, сдувать с нее пылинки, а я вела себя, как обыкновенная заурядная эгоистическая молодуха. Я же не могла понять в то время, какое сокровище я имею, как мне повезло, как редко такое случается в этой жизни!!! Но что толку теперь убиваться – ничего нельзя вернуть назад, а если бы можно было, то я вернула бы только ее (и, конечно, моего любимого сыночка – Дэндика), а больше в этой длинной жизни не было у меня ничего ценного, ни о чем я не сожалею и ничего мне не нужно – все остальное прах и пыль.

Хочу описать самый момент ее смерти, потому что тогда ярко проявились мои экстрасенсорные способности, которыми я обладала всегда, просто не придавала им никакого значения, можно сказать, специально ими не пользовалась – а зачем? Я ведь уже писала, что я всю свою жизнь провела во «внутренней эмиграции», а экстрасенсы, насколько я знаю, должны тесно общаться с людьми. Я же по большей части не испытывала удовольствия от такого общения. С природой – да! С животными – да! До того момента, как моя дочь своим мерзейшим предательством отравила мне самое замечательное, чем наградила нас природа, – материнство, я очень любила маленьких детей. Но никогда не было, чтобы общение со взрослыми особями протекало без того, чтобы в итоге я не была обкакана ими с ног до головы...

Так вот, о смерти Надежды – я сидела и писала письмо, это было поздней ночью, и вдруг в 4 часа утра у меня начались какие-то странные ощущения, отмахнуться от них было невозможно, я даже растерялась. Во-первых, у меня – у молодой и здоровой, началась в груди дикая боль, там все сжало, я не могла дышать. Во-вторых, как будто какая-то сила схватила меня за шиворот и тащила в комнату, где спала Надежда (там еще спала женщина-домработница). Я вжалась в кресло и сопротивлялась – я не понимала, что со мной происходит. Через минуты 3—4 все прошло, будто и не было. Я посидела еще немного, совершенно ошеломленная всем этим. Я ничего не поняла, а это было так просто – в этот момент Надежда умерла, у нее был инфаркт, случившийся во сне, и я все это восприняла почти как собственную смерть, только все-таки это было не со мной – я это осознавала, что я чувствую все это немного как бы со стороны.

Но все это было несколько позже, а сначала, попав в Ленинград, я познакомилась с дворником филармонии по фамилии Шапиро (короткий анекдот – «еврей-дворник»), наш с ним внезапный «роман» тянулся несколько лет, как вялотекущая шизофрения (таки отразилась на мне история с психушкой!...). Благодаря этому знакомству я стала «вхожа» в оба зала филармонии – и Большой, и Малый. Они стали для меня буквально родным домом, я туда шастала чуть не каждый вечер, переслушала всех и наших, и заезжих музыкантов (а в то время ездили в Питер многие-многие знаменитости, например, умерший впоследствии от СПИДа любимый ученик Караяна – Эмил Чакыров. Если бы он остался в живых, он потряс бы мир, который потерял в его лице гения, я уверена в этом!). А репетиции Мравинского я слышала частенько прямо у себя (то есть у Шапиро) в дворницкой каморке, которая располагалась над Большим Залом.

Короче, если начать все вспоминать и описывать, то моя книга будет только о музыкальной жизни Ленинграда той поры, но я буду тогда не я, а Ираклий Андронников, знаменитый рассказчик, чьи «Воспоминания о Большом Зале» иногда показывают по каналу «Культура» и сейчас.

После смерти Надежды я уехала в свой родной город и три или четыре месяца рыдала не переставая – да что толку???. Правда, это отразилось на моей аппетитной фигурке – я стала суперстройной и изящной, потеряв со слезами больше двадцати кг, и до рождения дочери оставалась в этой поре, что мне очень шло. Приехав снова в Питер (ну куда ж бы я делась

еще, кроме этого города, главного в моей судьбе?!), я решила поступать в университет, ведь бабушка (которая в тот момент еще была жива) так об этом мечтала всю мою жизнь! Почему-то я выбрала факультет романо-германской филологии, может быть, потому, что любила французский язык и даже баловалась переводами стихов. Вот был такой салонный поэт Франсуа Коппе – я уж теперь и не помню, о чем он там чирикал, но в молодости он мне нравился. Правда, больше всех мне нравился все-таки Бодлер, но его переводили еще до моего рождения наши большие поэты типа Цветаевой, и что-то в молодости моя рука не замахнулась поспорничать с великими, я всегда (и по сию пору) с пиететом относилась к творцам настоящего искусства.

Но экзамены в университет начинались в августе. Я уже прошла собеседование – профессор-преподаватель выбранного мной факультета, долго и обстоятельно побеседовав со мной, заявила, что я обязательно поступлю, да и конкурс был небольшой, кажется, всего три человека на место. И черт меня дернул пройти мимо Академии – правильно и полностью она называлась Институтом живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина – вступительные экзамены здесь начинались послезавтра! Я, узнав, что конкурс 25 человек на место, решила, что я ничего не теряю, университет все равно у меня в кармане, а в Академию я при таком конкурсе явно не поступлю, но ведь интересно же потолкаться в этих знаменитых стенах, приобрести какой-то жизненный опыт, а впрочем (и это одна из самых плохих черт моего характера) я долго не раздумывала и не рассуждала, а просто бросилась с головой в омут.

Пишу я неплохо, довольно складно, это у меня с детства – все сочинения всегда получали высший балл, и вообще я была любимицей гуманитарных педагогов, которые, когда на уроки приходили всяческие комиссии, вызывали только меня. Кто-нибудь, типа моей соседки по деревне Лили (она бывшая москвичка с Арбата, но уже лет 17 живет в деревне, а про деревню речь впереди), скажет, что я ударились в невероятное хвастовство (Лиля не верит ни единому моему слову, когда я при ней рассказываю что-либо из своей бурной жизни), но клянусь, что не приврала ни на йоту – уж что есть у меня, то, как говорится, не отнимешь. Так вот первый экзамен был что-то типа эссе по какому-либо художественному произведению – картине или скульптуре. На столе лежала куча неподписанных фотографий этих произведений, ты подходил и выбирал. Мне, как сейчас помню, достались «Бурлаки на Волге» Репина. Не составило труда насочинять что-то там про «отражение тяжелой жизни русского народа», при моей абсолютной грамотности, конечно, был поставлен за это высший балл.

Второй экзамен тоже был по специальности – я забыла сообщить, что поступала я на факультет теории и истории искусства, то бишь собиралась быть искусствоведом (то есть, не собиралась, так как была уверена, что не поступлю...). Экзамен у меня принимала старушка Чубова – мировая знаменитость, заведовавшая каким-то там отделом в Эрмитаже, академик! – я этого тогда не знала, но видела, как абитуриенты выскакивали от нее красные, потные и с двойками. Старушка поимела меня по полной программе: полчаса она пыталась меня подловить на незнании шедевров русского искусства, кидала мне фотки одну за другой, наконец, закрыв одну из фотографий, оставила только кончик тубельки и ехидно спросила: «А это кто?». Господи, я и это знала, правда, чисто случайно – у меня валялась книжка, на обложке которой красовались эти девушки-смолянки, и их ножки в тубельках машинально застряли в моей памяти. Когда я ей ответила, старуха была поражена и что-то черкнула в моей абитуриентской книжке. «Ну, все. Двойка, " – подумала я, но раскрыв ее уже за дверью, увидела, что это, наоборот, пятерка.

А дальше все покатило как по маслу. К сочинению нас осталось человек 50, и только двое из нас – я да блатная Катя Лукина – получили пятерки. Еще два экзамена (литературу устно и историю) я, естественно, тоже сдала на пятерки, как ни силились принимающие экзамен педагоги меня срезать, но им это не удалось – было бы странно, если бы я, много лет проведя с книжками, то есть, буквально, ела, спала и жила с классиками и не только, чего-то бы

не знала по несчастной школьной программе... Вот так я поступила в Академию, и университет, мечта моей бабушки, накрылся медным тазиком, ибо я сочла нецелесообразным забирать документы и снова сдавать экзамены. Потом, уже на первом курсе, одна женщина-педагог сказала мне в разговоре: «Ну вы же блатная...», и, когда я пыталась возразить, что это абсолютно не так, она заявила: «А тут не блатных не бывает». Видимо, такова была система приема в советские престижные вузы (не знаю, изменилось ли что-либо сейчас – что-то сильно в этом сомневаюсь...).

Глава 3

Как я уже писала, в Петербурге (тогда Ленинграде) я попала в дом профессора Голубовской. У нее была племянница, Бэлочка, муж которой, Юра, очень любил Надежду Иосифовну и навещал ее. Он был старше меня лет на двадцать, блокадный ребенок, и вообще какой-то очень потрепанный жизнью. В 40 лет он выглядел на шестьдесят – седой, лысый, маленький хрупкий еврей. Но его глаза... это были глаза Иисуса Христа, они горели на его лице, я никогда не видела таких пронзительных глаз – с него можно было писать икону.

Теперь я, пожилая, сама сильно потрепанная жизнью тетка, не могу понять, почему я так намертво влюбилась в этого человека. Он был никакой – никто и звать никак. Есть такие люди – они говорят, говорят, много говорят – и все ни о чем (этим грешили, по крайней мере, два политических деятеля: Горбачев и ныне начисто забытый Бурбулис). И Юра был из их числа. Но мне все это было не важно. Я была молодой – и первый попавшийся нетипичный мужик произвел на меня неизгладимое впечатление. Меня перестала интересовать вся остальная жизнь – свет сошелся клином на Юре. Я бросила институт. Я забыла все на свете. Я сошла с ума – я любила (или мне так казалось – что одно и то же). Правда, все это тянулось довольно долго, даже не один год. Сначала (года три) продолжались нескончаемые разговоры – ни о чем. Теперь я уже не помню – кажется, он жаловался на то, что его никто не понимает, женщины (его две жены) якобы тоже никогда не понимали и не любили его, на первой его женил отец, на второй он женился по ошибке... Я, при всей моей склонности к «романтизму», первый раз в жизни захотела реально принадлежать любимому мужчине. (Вообще, в молодости я была ужасная дура и считала всяческие физические проявления в человеке чем-то унижающим и грязным. Мне казалось, что человек должен стремиться только к духовному и высокому, а все остальное не имеет права на существование – вот такая чушь царила тогда в моей башке, я же была очень много читающим ребенком, причем всяких там Золя и Мопассанов я начисто отвергала.) Но время шло, а Юра был до того нетипичен, что не собирался «поймать» молодую девку, которая, как говорят у нас в народе, сама вешалась ему на шею. Когда я поняла, что он не будет моим, я отстала от него. Я до сих пор не пускаюсь в безнадежные предприятия, которые лишены всякого смысла. Побарахтавшись немного, я отступаю – и, наверное, не существует на свете нормальных людей, которые пытаются проломить головой каменную стенку.

Итак, я сказала себе: «Отстань от него, как-нибудь сможешь забыть и пережить». Но вдруг он позвонил и огорошил меня сообщением, что собирается «начать со мной новую жизнь». Ну как я могла бы отказаться?! Жить нам было негде. Почему мы не сняли какую-нибудь комнатенку – непонятно. Очевидно, Юра в практической жизни был еще хуже меня, витавшей в романтических грезах. Какое-то время мы ютились в двухкомнатной квартире его отца, старика Ионаса, которому, видимо, очень скоро все это сильно надоело (наверное, мы нарушали покой и привычный уклад его жизни), и он постарался разрушить нашу «идиллию». И вообще, вполне понятно: одно дело – мышление двадцати с чем-то летней влюбленной девушки, которая думает только о своей любви и любимом человеке, а другое – практические соображения умудренного жизнью старого еврея, который знает, что кроме любви еще нужно есть-пить и где-то и на что-то жить.

Все было бы ничего себе и обошлось бы «малой кровью», но я вообразила еще и то, что я так безумно люблю Юру, что хочу от него ребенка! Когда приходили месячные, я навзрыд

рыдала. И вот в самый неподходящий момент, когда старик замыслил пнуть меня под зад, я забеременела. И когда папочка с сыночком сообщили мне, что не хотят меня больше знать, я чуть не умерла от горя. Во всяком случае, я была совсем не готова к такой развязке, а впрочем, предательство, как и терроризм, проявляются всегда неожиданно и подготовиться к этому невозможно. От сильного стресса у меня начала расти опухоль, и на третьем месяце беременности я, завалившись без сознания на улице, попала в больницу, где меня прооперировали (врач сказал, что от смерти меня отделяло совсем немного). Перед операцией я попросила оставить мне ребенка – почему я вела себя как маньяк, мне тоже совершенно сейчас непонятно. Ведь все указывало на то, что этого ребенка мне НЕ НАДО ИМЕТЬ!!! После этого я уехала в свой родной городок к бабушке, где все оставшееся до родов время плакала ночами в подушку и просила у бога Юриной смерти. (Я не простила его до сих пор – может быть, это глупо, но я не могу с собой ничего поделаться. Конечно, за столько лет эмоции стерлись, я его больше не ненавижу – я практически ничего к нему не испытываю, я спокойна, но простить все равно не могу, не получается, если я скажу, что простила, это будет полнейшей неправдой). Он умер от рака через три года после рождения Женьки. А я, как только она родилась, перестала о нем думать – ребенок захватил меня целиком и полностью. Это было так много – МОЯ ДОЧЬ – что не осталось места для кого бы то ни было.

Она родилась, естественно, очень неблагополучно (после таких-то страстей!!!). Целый месяц ее не вынимали из-под кислорода – как только вынимали, она тут же начинала умирать. Весь месяц я пролежала в роддоме, и каждый день мне говорили, чтобы я настраивала себя на то, что она не выживет (она и родилась мертвой, не кричала, как все новорожденные, несколько минут, ее не хотели оживлять, и только после моих настойчивых просьб врачи приступили к каким-то реанимационным мероприятиям, которые, в итоге, привели к положительному результату). А я думаю так: Бог – он видел конец этого процесса и не хотел мне зла. Он ведь знал, как она со мной в итоге поступит. Она оказалась истинной дочерью своих отца и бабушки-предателей. Но это произошло через 25 лет, а тогда... Тогда я с упорством маньяка жаждала, чтобы это маленькое исторгнутое из меня существо выжило! И оно выжило!!! (Ведь всегда все, чего я страстно желаю – вопреки голосу Разума – непременно сбывается).

И очень-очень много лет я действительно была просто безумно счастлива – я жила своей самой лучшей на свете девочкой – она была самая умная и самая красивая (она так про себя и говорила: «Я самая умая, касивая и хорошая»). Денег у нас почти не было. Первые ее семь лет мы прожили в моем (да и ее) родном городке вместе с моей бабушкой. Но мне очень хотелось вернуться в мой любимый Питер, меня туда невыносимо тянуло. Несколько раз мы туда уезжали, но «закрепиться» там не было никакой возможности – да еще с маленьким ребенком.

И вдруг у бабушки обнаруживают рак. Целый год длился сущий ад: бабушка умирала долго и мучительно, не всякий бы выдержал эти страшные, почти потусторонние картины невыносимого человеческого страдания и запредельных мук – может быть, только медики привыкли к такому, их ничем не удивишь, но обыкновенный человек не рассчитан на экстрим такого рода. Но, во-первых, мне некуда было деваться – я была возле нее одна, единственная оставшаяся в живых бабушкина дочь, то есть моя тетя, категорически отказалась приехать к умирающей матери; во-вторых, я, опять же, была еще совсем молодой (мне было 36 лет), нервы и здоровье были, несмотря ни на что, крепкими, и я смогла выдержать так долго этот жуткий кошмар, который не описать никакими словами – наверное, только все, что происходило в гестаповских застенках, можно сравнить с теми ощущениями, которые испытала бабушка в последние месяцы своей жизни. Я уверена, что случись такое сейчас – мне ни в жизнь не выдержать, моя психика бы просто сломалась, и я попала бы в дурдом на сей раз по-настоящему.

Дальше жизнь покатила совсем по-другому. Мы поменяли бабушкину квартиру на Подмосковье (правда, не очень ближнее – два часа езды на электричке). Это тоже произо-

шло не враз, потому что в те годы все было очень сложно, а вырваться из Сибири было просто невозможно. Случайно нашелся обмен на южный городок под Одессой, менялась моя бывшая соученица, которая превратилась в пьяницу и шлюху, обмен ей нужен был срочно, а не то ее просто вышибли бы оттуда, лишив квартиры за крайне «антиобщественный образ жизни». Ну а нищему собраться – только подпоясаться, я всегда была чересчур легка на подъем. Мне очень не понравился юг (тем более, этот городок принадлежал Украине, которая, как известно, тогда была нашей главной республикой – после России), и я постаралась побыстрее оттуда выбраться. На юг поменяться любителей нашлось больше, чем на Сибирь.

И стали мы жить сравнительно недалеко от Москвы, тем более, что продуктами «отовариться» тогда можно было только в ней, родимой (так называемые «колбасные поезда», сновывавшие туда-сюда между столицей нашей необъятной Родины и любимым ее же городом – даже на дальнем Востоке! – прекратили свое существование только в середине девяностых, когда в нашей стране начался «дикий капитализм», и наконец-то наша ненормальная экономика все-таки смогла насытить рынок едой и тряпками).

Про Питер пришлось забыть – вся моя жизнь стала борьбой за существование. Мне надо было не только выжить, но и обеспечить достойное детство своему ребенку, который, став взрослым, оклеветал меня, написав в заявлении в суд, что она «спала на грязном полу, без кровати», а я «не обеспечила ей нравственного, психического и физического развития». Нет, жили мы хоть и трудно, но вполне пристойно. Ведь не так далеко находилась Москва, где было полно всяческих вузов, а я умела писать и печатать все, что угодно, – от курсовых работ и дипломов до кандидатских диссертаций и даже книг. Тогда не было Интернета, из которого нерадивый студент мог содрать, например, дипломчик, но во все времена находились люди, которым лень было шевелить извилинами (а может, они у них были совсем не развиты), а то не свое место, которое они занимали по должности, требовало от них опубликования каких-то работ, вот за них-то я и писала, то есть была «литературным негром». (Насколько я знаю, это практикуется и сейчас – этим занимается одна моя подруга, и неплохо, между прочим, получает за это).

Так мы помаленьку жили. Завели собаку Дину – она была бродячая, шарахалась ото всех (видимо, люди обошлись с ней очень жестоко), но мы ее постепенно приручили. Вскоре пришли «новые времена», наступила так называемая «перестройка». Я, что называется, крутилась на полную катушку. Чем только не занималась!!! Даже что-то там покупала, перепродавала...

И вот однажды, когда мы снова поехали в Петербург, мне случайно досталась дефицитнейшая путевка в Кизи, туда надо было плыть на старой калоше «Надежде Крупской». Женьке было уже одиннадцать лет. Крутясь по палубе, она случайно познакомилась с Лялей, которая сыграла одну из центральных ролей в моей жизни.

Ляля была самым уникальным человеком из всех, когда-либо мной встреченных. Поначалу она мне сильно не понравилась, даже не могу сказать, чем. Странная какая-то она была... Когда я ей что-нибудь рассказывала, она сидела, закрыв глаза, заслонив лицо ладонью, и было непонятно, как она реагирует на мои рассказы, и это меня почему-то сильно раздражало.

Ляля в свое время вращалась в элитнейших московских кругах, артисты старого МХАТа были ее лучшими друзьями, а сама она закончила театроведческий факультет ГИТИСа и работала в известных театральных журналах. Казалось бы, общаясь с актерами, она должна была жить бурной «личной жизнью» – ан нет, наша новая знакомая была убежденнейшей старой девой, о чем она мне заявила чуть ли не с первых дней нашего знакомства с большим апломбом, это выглядело так, как будто она говорила: «Да, я играю на скрипке, как Паганини!», то есть, было заметно, что она очень горда собой, сообщая мне такую интимную, если не сказать пикантную деталь своей биографии.

Помню страшные язвы на ее ногах – как у бомжей на вокзалах. Но в самое сердце она меня поразила не этим и не своей железобетонной девственностью. Однажды, рассердившись на меня за что-то, она ударила меня по морде полотенцем. Никто и никогда не поднимал

на меня руку (впрочем, бабушка в детстве, бывало, драла меня ремнем – она считала это положительным педагогическим моментом в воспитании детей, но ведь это же совсем не то, бабушка все-таки была мне родной, а Ляля – чужим и посторонним человеком, и такой выпад с ее стороны был по меньшей мере очень странен...), поэтому я страшно удивилась.

После этого случая во мне как будто что-то открылось – какое-то сверхвиденье, что ли... Ляле стукнуло уже 67 лет, а у меня был критический возраст – сорок... И совершенно неожиданно для меня со мной произошло нечто странное – выражаясь банально, я вспылала дикой страстью. Не знаю, что на меня нашло, какое-то непонятное помрачение рассудка.

Но я теперь понимаю автора «Лолиты». Неважно, кто объект твоей страсти – девочка или старушка, мужик или козел. Просто случается иногда такое, в чем человек неподвластен себе и не может доводами разума заставить себя прекратить испытывать нечто, совершенно от него не зависящее. Как это называется, тоже неважно – любовь ли, секс ли, черт ли, дьявол. Думаю, что мало найдется людей, которые с этим хоть раз, да не сталкивались, просто проявляется это в самых разных формах, у меня это было самое настоящее извержение вулкана, причем длилось оно без малого двадцать лет и закончилось только тогда, когда Ляля впала в старческий маразм, по-научному называемый болезнью Альцгеймера, то есть тогда, когда она превратилась просто в человеческую оболочку без малейшего присутствия Духа. Смело могу сказать, что я никогда в жизни – ни до ни после – не испытывала таких ярких ощущений, да что там – я даже не ожидала, что я вообще способна ТАКОЕ испытывать!!!

Впрочем, мне, кроме всего прочего, было элементарно интересно с Лялей общаться. Во-первых, она была интеллигентнейшим человеком, во-вторых, у нас было много общих интересов – например, она так же сильно любила классическую музыку. И еще мы обе любили путешествовать, и жизнь нам очень скоро предоставила такую возможность.

Глава 4

Думаю, что я абсолютно ничего бы не потеряла, если бы никогда не попала за границу. Ей-богу, я совершенно не кокетничаю, делая такое смелое заявление, ведь большинство людей считает поездки за границу самым серьезным доказательством успешности своей жизни. Но Париж и Венеция, например, только потеряли в моих глазах, когда я увидела их воочию... Венеция – вонючая от гниющей воды в каналах, грязные улицы, за что только ею так восхищался Бродский? (Впрочем, насчет того, что он большой поэт, можно поспорить, а вот что большой выпендренник – это для меня несомненно. А всякие там шведы мне не указ). А Париж – это вообще чудовищная мерзость: порочные рожи французов, которых раз-два и обчелся на фоне огромного количества арабов, негров, китайцев и вообще непонятно кого, кругом грязь как на самой заурядной помойке, и абсолютно безвкусные музеи – старинные рамы известных картин в Лувре ну никак не сочетаются с красным цветом стен, а эта полная профанация искусства в музее Помпиду!..

Впрочем, на меня произвел впечатление Лондон – вкус у англичан мне показался изысканным и утонченным: оформление улиц было безукоризненным, особенно в сочетании пастельных тонов клумб, а их магазины!!! А их парки!!! А их музеи!!! Я могу рассыпаться в восторгах, но мне никогда не передать очарования английского стиля, этого бесподобного дизайна, проявляющихся в каждой детали, в каждой мелочи!.. А попав в огромный, на километр растянувшийся книжный магазин, где были, наверное, ну все книги на свете – всех стран и всех народов и на все темы! – я пожалела, что не знаю английского и позавидовала англичанам самой черной завистью – ведь им так легко стать интеллектуалами!!! Но почему-то еще Шекспир сказал, что они слегка чокнутые – и это тоже бросалось в глаза...

Испания выглядела очень чистенькой и уютной – испанцы моют даже плитки улиц. Коррида, на которую я зачем-то потащилась, была отвратительной. Сволочи те, кто перевозносит и романтизирует это мучительное убийство животных, которое бесчувственные и жестокие испанцы превратили в коллективное зрелище. Но больше всех не понравились мне греки –

эти их наглые сморщенные старухи с голыми отвисшими титьками на пляжах, дымящие как паровозы в присутствии даже младенцев. На Парфенон Ляля лезла как сумасшедшая, в бешеном темпе, я еле за ней успевала – а чего там спешить, ведь, небось, все там поддельное: давно известно, что всю античную Грецию разворовали те же любознательные англичане, стоит только сходить в их Британский музей: там целые портики красуются, англичане тащили античные сокровища несколько веков подряд, вот уж где постарался доблестный флот Ее величества!

Мы любили ездить в мусульманские страны. Поначалу это была бьющая в нос экзотика – там для русского все другое, ведь понятно, что европейцы почти такие же, как мы, и в Европе мало чему удивляешься – и в Москве в последнее десятилетие сосредоточены такие же богатства, и всюду следы такой же роскоши, были бы деньги. А мусульмане – ДРУГИЕ. Но, как ни странно, я всегда находила с ними общий язык. Может быть, потому, что нравилась им, как женщина. В Турции или в Египте я по двадцать раз на дню выслушивала признания в любви, в то время как в своей стране все это кончилось вместе с молодостью. Было странно все это слушать, когда тебе уже за 50. Причем выражалось все это крайне непосредственно, даже обидеться было невозможно – ну, чисто дети, как говаривала одна моя знакомая. В отелях у мусульман, даже в самых задрипанных, всегда был шведский стол и очень много сладостей. Все это таило большую опасность, что и случилось: мой вес перевалил за сотню.

Конечно, я бы обошлась без загранич, но очень много бы потеряла, если бы не побывала на Красном море. Если начать перечислять, в каких морях я купалась – наверное, это займет много времени, но попробую: Черное, Азовское, Балтийское – это у нас; Средиземное, Адриатическое, Тирренское, Эгейское, Мраморное, Персидский залив, Ла-Манш и еще какие-то... Но всем им далеко до необыкновенной чистоты и бирюзы Красного. К тому же, оно самое соленое (соленее только Мертвое, но в нем ведь и некупаются просто так), в нем невозможно утонуть. Если меня спросят, чего я хочу больше всего на свете, я скажу: еще раз очутиться в его водах, еще раз (а лучше – много раз!) посозерцать эти волшебные краски, не доступные ни одному живописцу.

Думала ли моя бабушка, что ее внучка увидит египетские пирамиды и Сфинкса? Вот теперь самое время написать про мою семью.

Мой прадедушка был священником. Не потому, что верил в Бога, а потому, что дали такое образование, ведь никто же не знал, что произойдет Октябрьский переворот, и быть священником будет опасно для жизни. Так и получилось – для моего прадедушки это кончилось очень плохо. Судя по старинной фотографии, он был просто красавец, причем красив был именно мужской красотой – во всяком случае, когда я смотрю на это замечательное лицо с ореолом пышных черных кудрей (а-ля Александр Блок, наверное, тогда было так модно), я просто цепенею от восторга и преклонения перед его красотой, меня берет даже какая-то гордость, что я произошла от такого предка, но в то же время и жалко, что потомки так измельчали!.. Бабушка рассказывала про своего отца очень много – несмотря на то, что я была ребенком, она сообщала мне такие вещи, которые ребенку знать, в общем-то, не полагается. Например, что он женился на прабабушке потому, что та была сирота, не хотел, чтобы у жены были родители, потому что обижал ее, изменял ей на каждом шагу – во что я охотно верю, с такой-то внешностью и с такой мужской сексапильностью!!! А прабабушка ему, как любовница, была неинтересна – она то ходила беременной, то кормила, ведь родила она аж 10 детей! Она сказала мне, совсем малышке: «Мы аборт не делали!», я тогда не совсем поняла, что это значит, но почувствовала почему-то, что прабабушка была очень несчастной в семейной жизни, а так как я ее любила больше всех своих родных, я ее целовала и обнимала и нашептывала ей, что – «ух, я бы этого деда Андрея!..»

Однажды к ним явились красноармейцы и хотели их всех (в том числе и детей) поубивать. Прадед пользовался авторитетом у крестьян, поэтому его, во-первых, предупредили, а во-вторых, дали сытую лошадь с санями (бабушка назвала это «кошевой»), в которые покидали

всех детей, и, как ни старались красные, но догнать их не смогли (а иначе я не писала бы эти строки...). Они спрятались где-то в глубинке, пересидели лихое время, но дед Андрей, которого несколько раз арестовывали, однажды не вернулся.

Бабушка рассказывала, что на всех на них было клеймо – поповские отродья. А это было чревато, учиться в высшем учебном заведении они уже не могли (туда принимали только по «рабоче-крестьянскому» признаку). И потом ей пришлось писать в анкете: «дочь священника», а это значит – чуждый элемент. Но бабушка была очень неглупым и, видимо, талантливым человеком, в итоге она безо всякого образования (сколько-то классов гимназии и сколько-то – советской школы), да с такой-то анкетой вылезла в довольно большие люди – она командовала целым отделом в крупном комбинате лесной промышленности, ее должность называлась «начальник планово-финансового отдела». Я думаю, что это случилось потому, что бабушка была самым честным, порядочным и добросовестным человеком из всех, кого я только знала. И я, когда делаю какую-нибудь работу, не могу ее делать плохо – это у меня в крови. Это перешло с генами от тебя, моя бедная бабушка, которая в жизни не видела ничего хорошего, а только трудилась бесконечно, стараясь прокормить своих детей и свою мать, а позже – свою внучку, то есть меня... И почему-то заслужила от Бога (который якобы всем воздает по заслугам) такую ужасную смерть...

Замуж бабушка не выходила довольно долго. Дело в том, что приход прадеда был на Алтае, и бабушка родилась там же, потом она уже не смогла вырваться в Центральную Россию – начались вихревые события: первая мировая, революция... Бабушку в молодости бросало по Сибири, по каким-то медвежьим углам, где просто физически не было интеллигентов, а она не могла, как она мне говорила, выйти замуж за простого мужика (это тоже мне перешло – и я на всю жизнь осталась одинокой). И вот ей попался наш дедушка – совершенно случайно; он был на 25 лет старше, из дворян немецких кровей, фамилия его была Миллер. Как его занесло в Сибирь – покрыто мраком. И, если бабушку и ее сестер и братьев дразнили «поповскими детьми», то мою мать и тетюшку в детстве обзывали «фашистами» – в 41-ом году им исполнилось одной 12, другой 10 лет. А дедушку расстреляли в сталинских лагерях – то ли за немецкую фамилию, то ли за дворянское происхождение, то ли за все вместе. Его плохенькую, начала 30-х годов, фотографию я тоже видела – колоритная физиономия!..

Бабушка осталась одна 32-х лет. Может быть, поэтому ее смерть была такой ужасной – ведь она полвека прожила очень тяжело, никто ей не помогал, а время на ее долю выпало не дай Бог никому. (Впрочем, времена никогда не бывают легкими, это давно замечено).

Мои мать и тетюшка росли слабыми, голодными детьми, и у той, и у другой обнаружился целый букет болезней. Мать заболела гриппом, который осложнился менингитом, а это, в свою очередь, перешло в эпилепсию. Детей ей иметь было категорически нельзя. Но не все люди обладают строгой ответственностью – в сущности, мать была легкомысленной девчонкой: ей шел 21-ый год, когда она родила меня. Бабушка рассказывала, как мои родители уехали со мной, месячной, в деревню, и как буквально через сутки ночью в окно постучала моя мать. Я заходила в крике, вся грязная, в описанных пеленках, а мать еле держалась на ногах после тяжелого приступа. Тут уж бабушка взяла власть в свои руки и отобрала меня у матери навсегда.

Моя мать умерла очень рано – всего 36-и лет, мы нашли ее утром лежащей вниз лицом, видимо, случился последний приступ, точь-в-точь, как у Достоевского. Может быть, ранней смерти способствовала не только тяжелая болезнь, но еще и то, что, к сожалению, бабушка с матерью смертельно ругались, все мое детство прошло в их злых криках – и чего они не могли поделить? Это была какая-то непонятная вражда и ненависть друг к другу. Я почему-то всегда была на стороне бабушки, а вот теперь, став старой, вдруг ловлю себя на том, что мне безумно жалко мою несчастную мать – ведь она тоже хотела немножко счастья, но не получила его ни в чем: ни с мужчинами (ну какому мужику нужна больная жена?), ни в материнстве, ни в работе

(с таким здоровьем она просто не выучилась и вынуждена была тянуть ляжку на каком-то заводике в, как выражается Ляля, «малокультурной среде»).

Тетушка была немножко счастливее, хоть и ее жизнь сильно омрачила тяжелая болезнь. Но с мужчинами ей повезло больше (кажется, у нее было 4 мужа). Она закончила педагогический институт и преподавала математику, причем, насколько я помню, ученики ее очень любили – она была веселая, с чувством юмора, и какая-то нестандартная. Один из ее мужей сначала был блестящим морским капитаном, умницей, решал ей математические задачки, как орешки щелкал, потом спился, стал тащить вещи из дома и даже прикладывать к тетушке руки, и ей пришлось от него уехать. И тогда он сошелся с такой же, как он, пьяницей, по пьяному делу убил ее, и сам умер в тюрьме – довольно типичная судьба для русского человека.

Тетушка умерла тоже не старой, и ей повезло, потому что ее дочь, моя двоюродная сестра, преподнесла всему нашему роду большой сюрприз: она стала проституткой. Но тетушка об этом, слава Богу, уже не узнала. У проститутки есть сын, но его судьба пока непонятна, потому что ему всего лишь 8 лет. Так и хочется написать, что ничего хорошего из него не выйдет, но жизнь не бывает простой и однозначной – и у проституток рождаются хорошие дети, из которых в дальнейшем могут получиться хорошие люди, как знать? Это пятое поколение нашего рода, к нему принадлежит и моя дочь.

Глава 5

Мне исполнилось 56 лет. Возраст более чем солидный, но если подумать, с чем я к нему пришла... Полное одиночество (не считая маразматической старухи Ляли, которая целыми днями капала мне на мозги) и полное безденежье. Это был замкнутый круг, вырваться из которого было невозможно и по сравнению с которым все несчастья прежней жизни казались мне просто пустяками. Все, что произошло четыре года назад, я уже пережила, «переварила», это больше меня не волновало, но «ноги» моей теперешней безвыходности «росли» именно оттуда.

Началось все это более чем невинно. Я вдруг почувствовала тогда, что старею, что мне хочется, чтобы кто-то близкий был рядом и поддерживал меня – хотя бы морально. Ляля в качестве такой поддержки не годилась никогда – ее эгоизм, а вернее сказать, эгоцентризм был редкостным, я никогда не встречала людей, до такой степени заикленных на своей персоне. Но у меня ведь была любимая дочь!!! Правда, последние несколько лет мы общались, в основном, по Интернету (и я, и она были людьми весьма продвинутыми в этом плане – наш первый компьютер мы с ней вывезли с большими трудами из Арабских Эмиратов давным-давно, и с тех пор жить не могли без того, чтобы часами, сутками, неделями и месяцами не торчать в Сети – это было нашим образом жизни, Женька даже работу нашла в провайдерской компании, а я стала тем, что называется очень точным словом «фанат», хотя женщин моего возраста в Интернете было раз-два и обчелся – но я и тут не походила на нормального среднего обывателя).

Я помнила мою дочь умным, интересным подростком, с которым мне было хорошо и приятно общаться – она меня понимала, начиная с ее четырех лет, ведь мы были не матерью и дочерью, а подругами, это бросалось в глаза всем нашим знакомым. И мне было невдомек, что Москва и большие деньги способны так изменить человека, тем более – несформировавшегося человека!..

Я не хочу называть ее дочерью, и даже по имени (которое я ей дала в честь моей бабушки) мне не хотелось бы называть этого человека, с такой легкостью предавшего меня. Я назвала это сочинение «Сукина мать». Дело в том, что у нас с ней была дурацкая игра, мы хулиганили, конечно, но это не носило злостного или грубого оттенка, просто была такая домашняя хохмочка – иногда мы в шутку начинали спорить: она кричала – «я сукина дочь!», а я ей на это возражала – «нет, это я сукина мать». То, что тогда было дурачеством, обернулось теперь реальностью, поэтому я буду именовать свою бывшую дочь – Сука, у меня нет для нее другого имени, и пусть меня осудят те, кто не прошел через страдания, выпавшие мне по ее вине.

Она стала настаивать на том, чтобы я продала свою квартиру в Питере – понятно, что без квартиры мотаться, снимать в Москве и тяжело, а главное, очень дорого (хотя совсем недавно это было в три раза дешевле, но в Москве сейчас творится какое-то странное безумие, которое кончится, видимо, чем-то совсем нехорошим). На меня нашло затмение – иначе я не могу назвать состояние, овладевшее мной тогда, к тому же я была в растрепанных чувствах – наш любимец, наш мраморный дог состарился и тяжело болел, я свозила его на операцию, которая чуть было не кончилась его смертью, но он все-таки выкарабкался, несмотря на преклонный для собаки возраст, правда, до конца операция ему не помогла, я понимала, что рецидив не за горами, и жила как под Дамокловым мечом.

В Москве много странных личностей, теперь это даже модно – быть, например, лесбиянкой или транссексуалом. Я ничего не имею ни против тех, ни против других, ради Бога, каждый таков, каков он есть, но моей бывшей дочери очень не повезло, она встретила худший вариант странной личности – ее заарканила пожилая транссексуалка, знающая слабые стороны людей и умеющая этим пользоваться в своих низменных целях. Мало того, что выглядела она, как смертный грех, это бы ладно – в конце концов, все мы не модели. Но она (переделанная из НЕГО) приспособила эту дуру не только к постельным утехам, но и всюю пользовалась ее немальными деньгами, то есть, попросту говоря, целиком и полностью жила за ее счет. Видимо, ей хотелось получить еще и квартиру на дармовщинку, и я представилась ей легкой добычей.

Продав квартиру, мы (с неизменной Лялей, куда ж она без меня?) какое-то время жили вместе с этой странной парочкой на их съемной квартире. Боже, ну и бардак царил же там!!! Везде валялись миллионы окурков – они обе дымили как паровозы, Дэндик постоянно чихал, я чуть не падала в обморок от сизых плотных клубов дыма, наполнявших маленькую, когда-то уютную квартирку. Я не успевала убирать мусор, который приходилось выкидывать по несколько ведер, соседи даже начали упрекать меня в том, что я забиваю мусоропровод. Но главные трения пошли на почве страшного аппетита Женькиной подружки – то мы нечаянно взяли одну из десяти сосисок, предназначенных на завтрак этому ненормальному существу, и оно, якобы, от этого может умереть с голоду; то я наивно удивилась количеству съеденных апельсинов – никогда не видела, чтобы зараз можно было съесть несколько килограммов! И так далее, и тому подобное, все, вроде бы, яйца выеденного не стоило, но жить вместе, глядя на этот бардак, было тяжело.

И мы ушли в квартиру, которую Сука купила, взяв наши деньги, но оформив на себя. Я согласилась на это, не подумав о последствиях – ведь я же любила свою единственную дочь и доверяла ей, как самой себе, было бы странно, если бы было по-другому, мы же собирались жить вместе, и на свете нас было всего лишь двое близких людей: мать и дочь. Квартира находилась в ближнем пригороде Москвы – Лыткарине, на первый взгляд, городок был таким зелененьким, уютненьким... Но это только на первый взгляд.

Есть такая телепрограмма «Необъяснимо, но факт», и вот в ней ведущий однажды сказал, что в Лыткарине находится очень мощная аномальная зона. Я мало верю во всякие потусторонние сказки, но что с этим Лыткариним творится что-то сильно неладное, я заметила сразу, как только мы там поселились.

Меня сильно поразило вот что: мужики могли расстегнуть ширинку и облегчиться прямо в двух шагах от тебя. Таких нравов я не наблюдала нигде и никогда, а в Лыткарине это считалось в порядке вещей. Это, конечно, еще не говорит ни о чем таком «сверхъестественном», но согласитесь – это не очень типично даже для нашего хамского общества.

Иногда я выходила гулять с Дэндиком очень поздно, иногда среди глубокой ночи. Но и в два часа, и в три, и хоть во сколько по Лыткарину бродили толпы людей, такого я тоже не наблюдала нигде – ни в Москве, ни в Питере, хотя, казалось бы, в большом городе жизнь не должна прекращаться ни на минуту, но даже Невский затихает часа в четыре утра, даже в белые ночи. А в маленьком Лыткарине люди не спали никогда, причем не отдельные лич-

ности, а целые толпы... Что можно делать на улице в такую поздноту, в любое время года – даже зимой, когда мороз, и какой смысл в таком праздношатании всю ночь – мне до сих пор непонятно?

Но главное все же не в этом. Никогда – ни до, ни после – мне не снились такие страшные сны. Вот один из них – вокруг меня миллионы разверстых могил, там еще нет мертвецов, они только вырыты, приготовлены, ждут... А я убегаю от двух, по всей видимости, демонов, я не знаю, как их назвать, у меня не настолько развито воображение, чтобы придумать таких страшилищ, и я никогда не была в музее народов Востока, чтобы увидеть и запомнить такой кошмар, но их «внешность» не оставляет сомнения у меня во сне, что это именно демоны. Ясно, что ничего хорошего от того, когда я буду в их руках, не ожидается, я бегу в ужасе и прыгаю через эти открытые могилы, потому что миновать их никак нельзя – они всюду (причем прыгаю почему-то в длину – наверное, так сложнее, ведь это КОШМАРНЫЙ сон, в котором все должно быть непросто). Конечно, я сумела убежать, но проснулась, сами понимаете, с какими ощущениями – сердце прямо-таки выпрыгивало из груди...

Еще я впервые в жизни пережила страшную ситуацию. Моими соседями была склочная молодая парочка, жена начинала концерты в 6 часов утра – матами орала на своих маленьких детишек. Ее муж все время дымил на лестнице, дым шел в нашу необделанную квартиру, и я с ним по этому поводу ссорилась. То есть, ясно, что добрых чувств они ко мне питать ну никак не могли, хотя с остальными соседями я находилась в самых что ни на есть добрососедских отношениях, многие, зная о нашем бедственном положении, о котором рассказ впереди, очень мне сочувствовали и даже пытались помочь. И вот как-то я шла по лестнице, вместе с этой моей соседкой стояла пьяная баба, они стали вдвоем задирать меня. И когда я что-то такое сказала, типа «отстаньте», эта пьяная баба плюнула мне в лицо. Даже если бы я обладала талантом Федора Михалыча, мне никогда не описать всего, что я почувствовала в тот момент. Я думала, что я умру.

Мы прожили в голых стенах без всяческих удобств и даже мебели больше года. Эту квартиру подсунили Суке, потому что ее никто не купил – она горела, когда строили все это (а это была надстройка, этакая мансарда, на старом пятиэтажном доме), взорвался баллон с газом, и в туалете стенки практически не было – видно было чердак, а когда шел снег, он падал прямо на унитаз... Деньги все были отобраны Сукой, у нас оставалась только жалкая Лялина пенсия в две с чем-то тысячи рублей, что для Москвы было полным мизером. Работать я не могла – меня каждый день колотила трясучка, а ночью душили рыдания. И еще раз доброе о людях этого подъезда: они подкидывали к дверям обеды для Дэндика, а несколько раз я обнаруживала целую копченую курицу (которая, как вы понимаете, Дэндик не доставалась целиком). В соседнем шикарном универсаме тоже знали про нас все, и менеджер зала посоветовала мне потихоньку наведываться в контейнер с отходами. Сначала я категорически отказалась – мне было дико даже подумать о том, что я могу рыться в помойке (хоть это была и не совсем помойка, просто туда выкидывали просроченные продукты). Но потом жизнь заставила – я переломила свою не привыкшую к катаклизмам натуру. Дэндик стал потреблять просроченную осетрину, детские кефирчики, и не отравился. Даже мы с Лялей несколько раз пользовались «дарами» нашей забавной экономики – какими-то чуть-чуть потерявшими товарный вид свежими помидорами, с небольшими пятнышками на шкурке лимонами... Но все равно – как я никогда не забуду плевка в лицо, так не забуду и этого – Я, ДУХОВНАЯ ЛИЧНОСТЬ, обожающая Моцарта, неплохо разбирающаяся в литературе и искусстве, копалась в помойке, чтобы не пропасть с голоду (ну, хотя бы не нам, а нашей собаке, но это неважно, может быть, в результате и мы дошли бы до того, что ели бы все из этого контейнера). Спасибо тебе за это, моя бывшая нежно любимая дочь!!! Ты всегда питалась сытно и вкусно – любящая мама покупала тебе и конфетки, и мяско, и ягодки, и фруктики, отрывала от себя, чтобы тебе было хорошо, работала на трех работах, чтобы ты ни в чем не нуждалась, билась, как рыба об лед, но ты

никогда не ела голые отварные макароны «без ничего» (помню, как поразило ее это зрелище, когда она пришла от кого-то, где в малоимущей семье было трое детей).

В результате я похудела на 37 кг, что мне очень шло!!! Когда я шла по местному рынку, где я иногда что-то выпрашивала (я и до этого дошла, голод не тетка!), слюнки у меня текли вовсю, но я твердо знала, что вместо, например, 100 г моей любимой свиной корейки я должна купить Ляле 100 г же сливочного масла... Все-таки я не была «гордой»: каюсь – я звонила и взывала к этому каменному сердцу: «Я очень хочу есть», на что она мне отвечала – «А мне какое дело???» или – «А я тебя знать не знаю, ты мне не мать, а тетя Маня с улицы». И это не она «спала на грязном полу» – это мы все трое: Ляля, Дэндик и я спали на холодном полу, прижавшись друг к другу.

Я понимала, что долго так продолжаться не может – я бы просто погибла, но эта мысль была невыносима мне потому, что я была не одна, я отвечала за жизнь двух других (беспомощных без меня!) членов своей семьи, и я подала в суд на родную дочь, а что мне оставалось делать? К тому же, она постоянно обещала, что выселит нас, продаст, и мы очутимся на улице. Я уверена, что она не остановилась бы ни перед чем – ведь было совершенно ясно, что моя судьба ее ни капельки не волнует. Но я ожесточилась и решила, как Рабинович в анекдоте: «Не дождетесь!» Стыдно же погибнуть из-за какой-то мелкой сволочи!

Наш «самый гуманный суд» в мире – это же, конечно, отдельная история, когда-нибудь потом, и не тут. Можно написать десять томов про наше государство, про наше общество, про всю нашу гниль и безнравственность. Наверное, нам, русским, никогда не оправиться от всего, что творилось на наших просторах семь с чем-то десятков лет – отсылаю к гениальной «Московской Саге» Василия Аксенова и ко многим другим похожим книгам о нашей истории.

Нам все говорили: «Вы никогда в жизни не сможете доказать, что деньги ваши», ни один человек – будь то знакомые, Лялины родственники и просто все, кто знали эту историю, а также адвокаты, к которым мы обращались (и которые брали у нас, у нищих, бешенные деньги за два сказанных слова!), – все твердили в один голос – «Ничего у вас не получится!!!» Но я пошла традиционным (читай – коррупционным) путем, благо у меня еще оставались какие-то вещички (например, отличный новенький компьютер, но пришлось пожертвовать и этой для меня святой вещью!), которые я продавала за бесценок. Но наскребла... и мы выиграли, душка-судья решил дело в нашу пользу. Затем мы еще год мучились, продавая это ужасное строение (никто не хотел покупать), продали дешево... нас, конечно, опять надули... Дэндик не вынес всего этого и умер. Я осталась в живых – с выжженной, как пустыня, душой.

Глава 6

Еще до того, как я сумела продать лыткаринскую квартиру, я кое-как наскребла какое-то мизерное количество денег (оторвав их из нашего более чем скудного «бюджета» – ценой, опять же, собственного голодания), и мы смогли уехать в деревню. Когда-то, еще в 99-ом году, мне на глаза попала газета, в которой было объявление о продаже домика в деревне. Мне тогда пришла в голову идея купить это для нашего дога – для того, чтобы вывозить его на полгода на природу, что может быть лучше??? И стоило это смешную в то время для нас сумму – 200 долларов. Сказано – сделано, мы попали в страшную глушь, где цивилизация начисто отсутствовала. Это был другой мир. Сначала он мне даже понравился. Я только очень долго не могла привыкнуть к этой полной тишине и темноте по ночам.

Несколько лет мы жили там с апреля по октябрь, собаке действительно было замечательно – полная свобода, не то, что в городе. Дэндик ведь был огромным псом, к нам очень часто придирались всякие идиоты, несмотря на то, что он был интеллигентом и добряком. Кстати, собаку мы купили тоже по инициативе дочери, но она очень скоро охладела к нему и бросила его на меня. Моя жизнь тоже не располагала к тому, чтобы посвятить себя животному – как я уже писала, мы много путешествовали, но Дэндик был собачьим ангелом и настолько ЛИЧНОСТЬЮ, к тому же безумно любившим нас всех, что я не смогла его предать

и продать или отдать кому-нибудь, хотя такие предложения просто сыпались на нас, даже когда он уже состарился, потому что он был еще и необыкновенным красавцем. Я категорически их отвергала, поэтому он прожил с нами «от звонка до звонка» – от его двух месяцев до одиннадцати с половиной лет, от щенячества до глубокой старости (к сожалению, крупные породы собак не наделены долгожительством, и, если мелкая дворняжка может дожить и до двадцати, то догам вообще отмерено лет 7—10 – они отличаются болезненностью и рыхлостью собачьей природы).

И вот теперь мы приехали сюда потому, что нам больше некуда было деваться. Был март, у нас ничего не было, кроме жалкой Лялиной пенсии, то есть, здесь тоже началось полуголодное существование. В нашей деревне жили несколько старух. Несмотря на свой преклонный возраст, они трудились, как проклятые – сажали огромные огороды, держали всяческих животных и птицу, хотя для пропитания им хватило бы их пенсии и вообще минимума – много ли надо одинокому человеку? Но эти люди, видимо, всю жизнь были обуреваемы жадностью, я сделала такой вывод на основании совместного с ними житья в течение семи лет. Сначала я считала их несчастными, брошенными на произвол судьбы государством, а так как деньги у нас были (мы же сдавали Лялину квартиру в центре Москвы, правда, тогда еще не было таких бешенных цен, но все же нам хватало, чтобы ездить, например, за границу), то я старалась всячески помогать этим, как мне казалось, несправедливо обиженным судьбой людям – я раздавала вещи направо и налево, привозила всякие вкусные продукты и угощала, в общем, все, что я ни делала, я никогда не брала за это никаких денег, просто я так устроена, я ненавижу корысть, суть и стержень того, на чем я на этом свете держусь – полное бескорыстие. И если человек берет с меня за что-то деньги, я, конечно, буду с ним общаться, но другом он мне никогда не станет. Но это так, попутно.

В этой деревне я поняла, что так называемое ДОБРО – это очень и очень спорная категория. Эти люди меня считали просто дурой, которую можно обчищать и обманывать, обирать на каждом шагу. Так вот, когда мы приехали в том незабываемом марте, никто из них не принес мне НИКОГДА И НИЧЕГО, хотя они были в свое время «облагодетельствованы» мной выше крыши. Впрочем, вру. Было такое: Ляля уехала за пенсией в Москву и задержалась на четыре дня, хотя это не было предусмотрено, я отдала последний хлеб Дэндику, и все четыре дня у меня во рту не было ни крошки. Единственный, кто это заметил, был пьяный мужик, местный алкаш. Он принес мне вонючей квашеной капусты и соленых грибов, из которых я сварила какое-то немыслимое варево, так и продержалась. Так что один человек все-таки попадет в царствие небесное, за то, что накормил голодного.

Но остальные... Ярче всех «сияла» «звезда» по прозвищу Комориха. Это был уникум, достойный исследования в каком-нибудь научном труде.

Когда мы приехали сюда впервые, она, под предлогом «помощи» (я действительно ничего не умела, это же понятно – я никогда в жизни не жила в деревне, которая требует специфических способностей и умений) втерлась к нам, при этом она, естественно, жаждала вынюхать, нельзя ли чем-нибудь тут поживиться. (Это, так сказать, был прагматический момент, а кроме всего прочего, деревенские вообще отличаются непомерным любопытством – наверное, от отсутствия достаточного количества впечатлений и событий, на которые так богат город.) И вскоре случай представился: когда мы уезжали на зиму, она подъехала на кривой козе, уверяя меня, что если я не перетаскаю все «добро» к ней, то, приехав, обнаружу пустую избу, и я, как последняя идиотка, перетаскивала к ней барахлишко, наверное, неделю. Надо сказать, что его было много, потому что как раз тогда, когда мы купили деревню, мы стали строить новую квартиру в Петербурге, и я решила, что не попру туда все это старое барахло, скопившееся за жизнь и у меня, и у Ляли, а куплю все новое, благо деньги были. Ну, все это было полной ерундой, конечно – всякие там вилки-ложки, подушки и прочее, но Комориха не побрезговала и этим – когда мы приехали весной, она ничего не отдала назад.

Это и теперь хранится на ее чердаке и греет ее черную и мелкую душу. (Очевидно, это деревенская разновидность Гобсека.). Дальше она уже таскала по мелочи – что под руку попадется, чему немало способствовало то обстоятельство, что я очень долго жила без забора. А в самый последний раз она удивила даже меня, уже ко всему привыкшую, как говорится, выдавшую виды. Мне было лень таскать картошку (мешки были тяжелые) далеко, а Комориха живет по соседству. Дело было зимой, если бы я оставила все в подвале – оно пропало бы, а мне понадобилось надолго уехать. И уж чего-чего, а картошки-то у самой Коморихи в сто раз больше, чем у меня, так что мне и в голову не могло прийти, что она ее украдет. Но я плохо знала этого монстра. Картошка в этот раз была мной куплена у другой старухи, я набирала ее сама, естественно, выбрала самую крупную. Но каково же было мое удивление, когда я открыла мешки после их пребывания у Коморихи!!! Там находилась суцая мелочь – она не поленилась и подменила!!!

Но это, так сказать, частный и самый яркий случай в моей биографии, и то только, наверное, потому, что я географически нахожусь рядом с этой бабой – деревенским феноменом. Все остальные (за редкими исключениями) тоже не отличаются порядочностью и моральной чистоплотностью. Я до сих пор не могу привыкнуть, что, если к тебе пришел человек, то надо ходить за ним по пятам и следить за его руками. Почти каждый раз после посещения «гостей» из дома исчезает какая-нибудь вещь. За семь лет я так и не смогла приноровиться к местным нравам – каждый раз я удивляюсь и поражаюсь, что можно так любить всякую ерунду, чтобы жаждать ею обладать, не думая о своей бессмертной душе, да даже просто элементарно не задумываясь о том, что самое большое богатство человека – это его чистая совесть!

Ляля, когда еще была «в себе», говорила мне: «Ты слишком многого хочешь от этих людей». Может быть, она права, но тогда что же? Значит, это не люди? Значит, это пустые оболочки? Значит, все их предназначение на этой Земле – жрать, пить, и, извините, срать? В газетах и по ТВ давно уже говорят о том, что население России вымирает по миллиону в год. Иногда даже приводят леденящие душу данные, что по три миллиона. Все, что я увидела в деревне – наглядная иллюстрация этого: семь лет назад, когда мы только приехали, деревни были полностью населенными, теперь же, дай бог, если осталось по несколько человек, и это не потому, что все вдруг подались в город – очень часто слышишь разговоры о том, что тот умер, другой умер, причем это не только дряхлые старушки, но и молодые мужики и бабы. И удивляться не приходится: некогда «великий народ – строитель коммунизма» спился и полностью дегенерировал.

...Та страшная весна, наконец, прошла, настало лето, и я смогла посадить огород – ведь, имея землю (а у меня ее было несметное количество, целых тридцать соток – мне никогда в жизни не суметь все это обработать!!!), стыдно остаться голодным! Уже в июле Ляля начала жаловаться, что я перекармливаю ее витаминами. «Что я тебе, коза, что ли – каждый день поедать по огромной миске салата!» А дальше жизнь вообще начала налаживаться – потратив страшное количество нервных клеток, мы продали лыткаринскую голубятню. Денег получили за это не так уж много, но я не умею их хранить – через три года я их, конечно, благополучно промотала. Зато мы два месяца путешествовали по Турции – я могу теперь сказать, что я очень неплохо знаю эту замечательную страну, которая с каждым годом живет все лучше и лучше.

Есть у меня приятель, Саша Круглов. Он, вообще-то, как писалось в какой-то книге, «не просто так мальчик» – он научный сотрудник Эрмитажа. И вот в пику Саше я совершаю какие-то смешные поступки, что, наверное, глупо, но тем не менее... Саша немножко сноб, то есть, не так уж немножко... «Когда я сидел на пляс де ля Конкорд ресторанчике, мы ели там устриц». И я, когда мы жили там в китайском квартале (впрочем, он был какой-то «арабско-китайский»), пошла в рыбный магазин и, поскольку я кое-как изъясняюсь по-французски, объяснила продавщице, что я русская и никогда не ела устриц. Магазин был, как в Лондоне книжный – там было ТАКОЕ... Одних только устриц было сортов, наверное, сорок – где уж

мне выбрать среди такого количества, я уж не говорю о качестве. Но продавщица вошла в положение. Бросив все, она стала «обслуживать» меня, но как обслуживать!!! Сначала она полчаса рассказывала мне (я половину, конечно, не поняла), кто такие эти устрицы и с чем их едят, то есть, КАК их надо есть, оказывается, это целая наука (буржуи проклятые!!!) – лимон там выжать, вино тоже не всякое подходит... Потом она сама выбрала мне дюжину, но я сказала, что дюжины этой гадости (я, конечно, не так грубо выразилась, а как-то более изящно) мне никогда не съесть, для начала надо бы поменьше (ну, кто его знает, может быть потом войду во вкус... правда, я в этом сильно сомневалась, и, как оказалось, не напрасно – на устрицы меня больше не тянуло никогда в жизни). Продавщица согласилась и положила мне полдюжины, а от себя добавила седьмую – в качестве, наверное, презента за свое долгое обслуживание, ибо я купила на копейку... Придя в свой убогий негритянский отельчик (и он-то был для нас слишком дорогим, потому что номер в нем стоил аж 60 франков, это целых 12 долларов в день!), я первым делом поставила видеокамеру, чтобы запечатлеть это событие, а все для того, чтобы утереть нос Саше Круглову – не он один такой отмеченный судьбой, не он один ест устриц!!! Ляля плевалась: «Какая гадость!» Надо сказать, что я ела их совершенно без энтузиазма – и правда, гадость... Ела и вспоминала нашего незабвенного Бориса Николаевича Ельцина, и тоже в связи с Парижем. Когда он в нем пребывал, советники начали убеждать его походить по ресторанам – «ведь это же гастрономическая столица мира!», на что он им очень резонно возразил, что он любит борщ и котлеты. И в тот момент, когда я ела устриц, я поняла, что я – родственная душа Бориса Николаевича.

И по турецкому побережью я решила проехать тоже потому, что по нему уже когда-то проехался Саша Круглов. Билеты до Анталы стоили 250 долларов, а путевка в дешевенький отель, куда входили, естественно, билеты, а также жратва (шведский стол) в течение двух недель – 180, поэтому понятно, что я выбрала. Дальше мы поехали самостоятельно, причем все русские, бывшие в этом отеле, испуганно говорили нам: «Вы что, с ума сошли? Куда вас несет – в полную неизвестность, вы же пропадете!» Это отличительная черта русского человека – он боится всего чужеземного, он уверен, что в других странах жить так же опасно, как и на его родине.

Напротив, это путешествие удалось на славу. Дело в том, что в Турции существует очень развитое автобусное сообщение, имеется много конкурирующих между собой автобусных компаний. Автобусы при этом чрезвычайно комфортабельные, обслуживание на очень высоком уровне, а стоит это сущие копейки – например, чтобы проехать из Кемера в Бодрум, на такси надо затратить долларов 200, а на автобусе – 10. Впечатляет?! И как в самолете, кормят вкусными вещами – пирожными, печеньем, и можно все время пить отличный горячий чай или даже кофе! Ждать их тоже недолго – автобусных линий и маршрутов очень много, в день по ним проходит множество машин. Нам бы так!

Мы были, как ни странно, единственными русскими, путешествующими таким образом, правда, попадались и американцы, и австралийцы, и новозеландцы, и канадцы. За два месяца мы посетили огромную прорву городов на побережье – и Мармарис, и Фетхие, и Измир, и даже побывали на острове Бозджаада, но больше всего мне запомнился красивенький городок Каш – он казался настоящим раем на Земле! И еще удивило, что в огромном измирском метро ходило и ездило штук восемь человеческих душ (это вместе с нами). Хотя и Бозджаада тоже запомнился, но по другой причине: там мы пили самое потрясающее вино, которое я когда-либо в своей жизни встречала. Кьянти отдыхает! Жили мы в домашнем пансиончике, который был построен прямо у моря среди большого сада, где росли всяческие фруктовые деревья, а также был разбит большой виноградник. И вот хозяйка этого пансиончика пожаловалась мне, что ее муж – алкоголик, когда же я начала выяснять, почему она так говорит, оказалось, что он каждый день выпивает по стаканчику вина, которое он сам же и производит из этого своего винограда. Я очень долго хохотала, а потом попросила у хозяина тоже налить мне стаканчик.

После чего я купила у него (за копейки!!!) 5 литров, и мы с Лялей, сидя за столиком на террасе, раздавили их на глазах всей изумленной турецкой публики (мужик – алкоголик, а кто же тогда мы???) буквально дня за три, так это было вкусно!!!

До Стамбула нас часов 8 везли трое довольно молодых мужчин на джипе, при этом они не взяли с нас ни копейки и всю дорогу кормили – меня в кафе, где я безуспешно пыталась отдать им деньги, а Ляле приносили прямо в машину. Это была конечная цель нашего путешествия: мы хотели переплыть Черное море и таким образом попасть домой. Но увы – наши планы спутал господин Буш. Он зачем-то притащился в Турцию, потому что ведь очень нелепо агитировать турок-мусульман воевать против таких же мусульман, только иракцев. Короче, в Стамбул мы попали в один день с господином Бушем, и боже мой, что там творилось! Все было наводнено полицией, казалось, жители Стамбула – это сплошь одни полицейские, они были на каждом шагу, стояли кучами на каждой улице, на каждом углу, пройти сквозь оцепление было невозможно, а мне надо было в морской порт. Я бросила Лялю с вещичками прямо на дороге, хотя это было даже опасно – всюду возникали демонстрации протеста, какие-то заварушки, я видела, как толпу разгоняли слезоточивыми газами, но почему-то я не испугалась – возможно, потому, что никогда в жизни не попадала в подобную ситуацию, такое я видела только по телевизору, и все казалось каким-то нереальным.

В порт мне все-таки удалось пробраться (партизаны в Великую Отечественную много потеряли в моем лице!), но оказалось, что никакие пароходы в Россию не плывут, и нам пришлось взять такси (пожилой водитель всю дорогу что-то возбужденно говорил, из его страстной речи я поняла только два слова, они повторялись очень-очень часто, и не понять их было просто невозможно: «Буш – шайтан!») и поехать в огромный аэропорт – имени, конечно же, Ататюрка. Но и тут нам не повезло, а впрочем, это как посмотреть. Когда самолет, на котором мы должны были вылететь домой, еще только летел в Стамбул, у него отказала гидравлика, и он чуть не гробанулся, наши самолеты ведь, как правило, летают до тех пор, пока не рассыпаются по винтикам. (Эх, бедность, бедность российская! Всего-то навсего сколько-то там миллиардов в Стабилизационном фонде!). Поэтому мы, просидев всю ночь в аэропорту, были водворены в отель «Вашингтон» (все-то было тогда под знаком Америки!), где нас продержали еще чуть ли не сутки, пока самолет не починили. От скуки я стала болтаться по местному кварталу, оказалось, что это знаменитый квартал, где дикая куча магазинов. И, наверное, оттого, что стояло лето, покупателей тоже почти не было, торговцы хватали меня и три часа заставляли мерить всякие дубленки. И, наконец, в третьем по счету магазине я не выдержала и безумно дешево (это мне потом сказали наши шопницы, а они – профи) купила великолепное пальтишко. Так что спасибо господину Бушу – благодаря ему я теперь защищена от российской стужи.

Глава 7

Я очень часто вспоминаю свой родной городок, ведь там осталось много людей, которые меня помнят по сей день, хоть я и уехала оттуда навсегда почти уже тридцать лет тому назад. Я думаю об этих людях с нежностью. Я совершенно точно знаю, что они мне – родные. Наш домик стоял на берегу реки, и в 50-е годы – времена моего детства – там находилось первое здание музыкального училища, которое тогда только организовалось. В городок приехали музыкальные кадры из столиц, чтобы преподавать молодым сибирякам – из Киева приехал молодой скрипач, который впоследствии станет директором этого училища, а также моим педагогом в музыкальной школе, другие преподаватели – из Ленинграда, даже из Москвы... Не знаю, что сыграло роль, что я не представляю свою жизнь без музыки – случайность ли того, что училище находилось в двух шагах, и меня, совсем малышку, никто не выгонял, я присутствовала на всех занятиях первых студентов, закономерность ли какая-то, но это произошло так естественно, что я всю свою жизнь была связана с МУЗЫКОЙ...

Я практически атеистка, я не понимаю людей, приходящих в церковь и ищущих там какого-то бога, с моей точки зрения (которую я, как всегда, никому не навязываю) никакого

бога там нет. Но вот если бы не было музыки, то жить бы не стоило, в этом я абсолютно уверена. А ведь миллионы и даже миллиарды людей живут, не зная, что это такое. Мне их жаль, они неполноценны духовно (как Ляля, ни разу в жизни не познавшая радостей любви, неполноценна физически, да и морально).

Мой единственный Бог – это Моцарт. Еще, конечно, есть Бетховен, Шопен, Чайковский, бесподобный Шуберт, но все равно – это «второй эшелон», выше Моцарта нет никого. Конечно, я завидую большим музыкантам, но и просто слушать – это совсем даже немало, так что можно не обижаться на Природу, что она мало дала способностей (да и смысла нет в таких обидах – все равно, что безрукому роптать на отсутствие рук, от этого же они не вырастут!).

Но я хотела не об этом, а о людях, оставшихся там, в родном городке. Чудная семья Ковальских – я всегда чувствовала тепло, исходящее из этих сердец, я могу в любую минуту приехать и согреться этим душевным теплом, обогреться возле этих людей, излучающих добро, порядочность и какое-то простое человеческое счастье; милая Мирьям Семеновна – не знаю лучше человека, чем она; однофамилица моей Ляли, Люся – сколько часов провели мы вместе в разговорах, как мне этого теперь не хватает!.. Было, конечно, и другое. Моя самая лучшая подруга, с которой была связана вся юность, спилась... Почему, как – от выяснения этого тоже мало что изменится, а помочь, увы, невозможно, процесс уже необратим.

А еще была Эльвина Павловна... У нее я пропадала сутками, даже не думая о том, что я назойлива, ведь если бы это было так, она бы, наверное, дала это понять, значит, ей тоже было приятно мое присутствие. Я без нее просто жить не могла, но это не было чем-то таким – с оттенком сексуальности, вовсе нет. Она была старше меня лет на 15. Помню, я даже курить начала из подражания ей, хотя потом и очень легко завязала с этой отвратительной привычкой. Сколько мы вместе пережили событий!.. У нее родилась дочка – тогда это не было в порядке вещей, как сейчас, тогда на женщин, родивших без мужа, смотрели в обществе косо, и она, когда забеременела, скрывала это ото всех (потом, конечно, было уже наплевать – ребенок заставлял забыть все на свете, я это и сама пережила – когда появляется ребенок, думаешь только о нем, а не о каких-то второстепенных глупостях, он становится центром Вселенной, а все остальное уже совершенно не важно). Она перед ее рождением приехала в Ленинград, где как раз в то время жила я. Так получилось, что только я поддержала ее морально, да и всячески – принесла ей одежду в роддом, потом мы вместе с ней ходили в детскую больницу, где маленькая Лялочка долго лежала, она родилась недоношенной и слабенькой.

И в нашем городке мы много лет, что называется, «дружили». И вот однажды, ни с того ни с сего, она мне вдруг сказала по телефону: «Я для тебя умерла», и больше никогда не общалась со мной. Я не понимала, в чем дело, терялась в догадках – чем я могла ее обидеть? Оказывается, обид никаких не было, все, как я много лет спустя узнала, было очень просто: она работала в редакции газеты, это было идеологическое заведение, а я во времена советской власти была «персона нон грата» (см. 1 главу). До поры до времени власти терпели наши тесные (морально) отношения, но в один прекрасный день она захотела занять какой-то там довольно важный пост, и ей сказали, что если она будет поддерживать дружбу с этой известной в городе диссиденткой, то ей этого поста не видать.

Не знаю уж – заняла она этот пост, или нет, но меня она потеряла навсегда. (А я вот не умею с такой легкостью отказываться от людей, даже если это угрожает моему благополучию, правда, я никогда еще не была в такой ситуации, мне кажется, что для меня такое невозможно – чтобы меня кто-то мог поставить перед выбором: друзья или карьера, чтобы кто-то мог мне диктовать, как мне жить. Но я всегда была «вольным художником» и никогда ни от кого не зависела, поэтому мне легко рассуждать...). Погоревав довольно сильно (я обладаю такой специфической чертой характера – очень сильно привязываюсь к отдельным людям, я, по сути дела, «однолюбка»), я вычеркнула ее из своей души. Удивительно: как будто ее там и не было! Очевидно, это защитная реакция – то же самое произошло и с дочерью: я ее вырвала из себя

с корнями, наверное, правы те, кто говорит, что я – сильная личность, хотя мне всегда при этом как-то неловко: ведь я же знаю, какая я внутри размазня...

Но однажды, приехав в городок, я что-то покупала в гастрономе около дома Эльвины Павловны (давным-давно забыв о ее существовании). Пятилетняя Женька копошилась у полок, требуя купить ей конфеты. И вдруг я увидела, как ко мне буквально с распростертыми объятиями, направляется... Эльвина Павловна, на весь магазин восклицая: «Любочка! Какая встреча!» Я в этот момент не играла и не фальшивила, это получилось само собой – я отодвинула ее руки, взяла Женьку, и мы прошли мимо нее, как мимо пустого места. Наверное, я не права – наверное, надо уметь прощать все, даже предательство. Но я не смогла. Теперь ее уже несколько лет как нет на свете – она умерла от рака (все люди, предавшие меня или обидевшие, умерли от рака – это странно). Я почти никогда о ней не вспоминаю, но, коли уж я решила «подвести черту» под своей жизнью...

...Девочка из маленького провинциального, забытого Богом, далекого сибирского городка! Одна из первых моих поездок за границу была по Италии, то есть, не «одна из», а, в сущности, самая первая. Мы проехали всю Италию с верху до низу сапога, а потом наоборот – с низу до верху, пройдя «галопом по Европам» по бесчисленному множеству ее городов (поездка продолжалась три недели, это немало). Были не только в признанных туристических Мекках – Венеции, Риме, Флоренции, Неаполе и так далее, но и в тех городах, куда туристы заглядывают не всегда – в Равенне, Пизе, Болонье... Были и в капелле Медичи, и в Ватикане – в Сикстинской капелле, и в Помпеях... Конечно, красиво, конечно, интересно... но все слилось в один общий импрессионистический неясный мазок, в расплывчатое пятно, и только одно событие отпечаталось намертво.

Нашей группе обещали, что мы пойдем на аудиенцию к Папе Римскому, но, видимо, что-то не сложилось. И тогда мы с Лялей решили пойти сами в храм Петра и Павла – нам сказали, что как раз завтра Иоанн-Павел Второй будет читать там молитву для всех желающих. Когда мы пришли туда, там уже стояла огромная толпа, но особого ажиотажа не было, и мы как-то без усилий протолкались в первые ряды. И вот вышел Папа со своей свитой, он был отделен от людей только тоненьким барьерчиком. Сразу за первым рядом людей стояли стулья, и все начали на них вставать, чтобы получше разглядеть Папу – и я тоже. Когда он поравнялся со мной, я его первым делом сфотографировала (у меня в то время был только плохонький «ПолярOID», к сожалению), а потом возьми и ляпни: «Святой отец, я русская, благословите меня!» И тут Иоанн-Павел остановился, как вкопанный, – я уверена, что всякий другой человек ТАКОГО УРОВНЯ прошел бы, не услышав и не заметив.

Он стал мне что-то говорить, а потом протянул руку. Но дело в том, что я же стояла на стульях, на двух стульях, которые могли предательски подо мной разъехаться, а спрыгнуть мне было некуда – меня окружала плотная толпа. И к тому же, я прямо-таки возвышалась над Папой, он протягивал мне руку СНИЗУ, а это было страшно неприлично с моей стороны, но что я могла поделать??? От растерянности я ничего не поняла, что он мне говорил, я, как собака, слышала только очень добрую интонацию, а сама мечтала только о том, чтобы это быстрее закончилось – ведь я могла грохнуться на людей в любую секунду!.. Но Папа стоял около меня, наверное, минут пять, которые мне показались вечностью, и долго-долго жал мне руку... Наконец, попытка кончилась, он ушел. Я была потрясена.

(С тех пор Ляля, как только показывали по телевизору Папу, кричала: «Иди скорей, там твоего Папочку показывают!» Но самое интересное, что, когда мы уезжали из Италии, ночью перед пересечением границы мне приснился сон: рядом со мной стоит Гитлер и пытается схватить меня за руку, я кричу: «Отойди, изверг проклятый!», но он не уходит и все цепляется за меня... Это, конечно, полная чушь, но как мне было жалко бедного Папочку, когда он умирал!!! Я знаю, что он был НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, каких на этой Земле очень-очень мало...)

Конечно, в этом эпизоде из моей жизни нет ничего особенного – такое могло случиться с каждым. А вот чего не могло случиться с каждым, так это того, чтобы я, девочка из сибирского городка, познакомилась бы с такими людьми, как Анастасия Цветаева, Рудольф Керер, Татьяна Гринденко... Я не хвастаюсь, ведь я не искала этих знакомств специально – я не из тех, кто гоняется за знаменитостями. Все это вышло очень спонтанно, само собой, как будто так и надо было. Впрочем, все эти люди задели мою жизнь как-то не всерьез, по касательной, что ли... Цветаева была очень старенькой, за восемьдесят лет, очень религиозной старушкой, может быть, я бы могла много раз прийти к ней, но она сказала мне: «Пока не окрестишь Женьку, ко мне не приходи!», а я не могла ее обманывать, ведь Женька так и осталась некрещеной. Татьяна Гринденко, как на грех, тоже была прямо-таки религиозной фанатичкой, а мне это в людях чуждо – ведь я этого не понимаю и не разделяю. Она меня интересовала гораздо больше в качестве превосходной скрипачки, и уж на ее концерты я набегалась вдосталь, был период, когда она давала их в год огромное количество раз, и я их почти не пропускала – ни в Москве, ни в Питере. И, если другие музыканты всегда играли что-то такое традиционное и всем известное, то на ее концертах все было по-другому: она вытаскивала из забвения такие произведения, которые не играл никто, или исполняла что-то совсем уж современное, а в те годы для этого надо было обладать известным мужеством – власть предрешающие не одобряли «модерна», и Шнитке тогда отнюдь еще не был классиком. Я слушала много известных и знаменитых музыкантов, но ничьи выступления мне не запомнились так ярко, как этой красивой молодой женщины (а сейчас она тоже, к сожалению, старушка – вот вам и доказательство несовершенства того Бога, в которого верят все эти толпы жаждущих Истины...)

...Я все думаю о том – что за жанр у меня: повесть, рассказ, публицистика, что ли?! Скорей всего, это беглые размышления по поводу неудавшейся жизни, и я, видимо, пытаюсь себе доказать, что все не так уж и плохо. Просто в данный момент у меня нет ни телевизора, ни моего любимого интернета, ни интересных книг, и мне элементарно скучно. А в таком состоянии я могу наболтать семь верст до небес. Пушкин, написавший что-то (уж теперь не помню, что именно – склероз проклятый!), кричал в восторге: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Я не испытываю восторга из-за того, что я оказалась на старости лет «сукиной матерью», но лежать на диване и безутешно рыдать от этого тоже весьма глупо – это, по крайней мере, просто непродуктивно.

Пока писалось это «произведение», я давала его читать многим людям, и было интересно слушать, что они говорят. Жалко, что нельзя все их высказывания свести воедино и опубликовать – получилась бы новая «Человеческая комедия», которая длится вот уже несколько тысячелетий, а главное на этом свете остается все тем же: любовь, ненависть, предательство, подлость, жадность, глупость... Это не закончится никогда, и никогда не перестанут такие, как я, задумываться о себе и о своей жизни, и, хоть я и не верю в старичка за тучками, не мне судить, удалась она или нет.

Божий дар с яичницей

(История одной бесполезной жизни)

Глава 1

Утро, как всегда, начиналось с чашечки крепчайшего черного кофе марки «Амбассадор», покупаемого на продуктовом рынке у метро «Багратионовская» и завариваемого совершенно особым способом, которому давным-давно ее научила Оля Ермакова, знакомая Манечки (они с Манечкой очень часто гостили у нее в Петербурге во времена оны): две чайных ложки (с верхом и без сахара) заливались стоградусным крутым кипятком прямо в чашке. Потом гуща оседала на дно, и напиток получался что надо: горький, терпкий и очень ароматный, совсем черный, как жопа негра, бодрящий так, что тут же, «не отходя от кассы», тянуло на подвиги. Но подвигов в теперешней ее жизни, увы, не предвиделось, точнее, вся ее жизнь в последние три года была подвигом.

Она и раньше-то не была избалована чем-то таким, что у каждого человека не считается верхом блаженства – ну, назовем это обычными обывательскими радостями, которые нашей героине всегда казались чем-то очень сомнительным: уютный, хорошо обставленный дом, любящий муж и в меру шумные детишки.

Из поколения в поколение в их семье передавалось женское одиночество: прабабушка потеряла мужа не сразу – несмотря на то, что он сделал ей десять детей, он словно бы отсутствовал в своей семье, потому что бабы вешались ему на шею ежечасно и ежеминутно, и в конце концов он ушел к очередной любовнице. Этого «кобеля поневоле» не удержало даже такое страшное количество оставленных им сироток.

Бабушка, можно сказать, вообще не пожила в законном браке, так как вышла замуж за человека вдвое старше себя, который буквально через пять лет сгинул в черной дыре сталинских лагерей. Мать... эта бедолага, повинувшись законам естества, пыталась завести себе мужа, всю свою короткую (она умерла чуть за тридцать) жизнь переходя от одного к другому, но все ее попытки кончались ничем, потому что она, ребенком недоедавшая в войну, страдала тяжелым заболеванием, которое отпугивало всех ее «кавалеров».

Вот и наша героиня, прожив на свете, как говорят некоторые, «большую половину» (выражение стилистически неправильное, но согласитесь – выразительное!), тоже никогда еще не была замужем, а посему эти самые пресловутые «обычные житейские радости» прошли, а вернее, пробежали мимо...

Но пора уже как-то назвать нашего потомка трех несчастливейших женщин – каким-нибудь именем (в самом деле, не alter же ego ее называть?!). Над этим классическим вопросом (как назвать свою героиню) долго ломал голову «наше все» Александр Сергеевич – помните хрестоматийные строчки: «Впервые именем таким страницы нашего романа мы своевольно...» ну и т. д.

Впрочем, не будем отягощать мозги современного читателя, который вряд ли понимает, о чем идет речь, иначе автору будет уготована судьба другого корифея русской словесности (но поневоле прожившего всю жизнь на Западе), чей роман «Ada or ardor» способен прочитать только высоколобый интеллигент – так он перегружен литературными и прочими ассоциациями. Современному же читателю подавай чего попроще, иначе он пошлет куда подальше...

Итак, она звалась... Да, не только Пушкину было трудно... Дело в том, что автор, покорный ваш слуга, терпеть не может русских женских имен (вот пунктик у него такой, бзик – ну что тут поделаешь!). У всех свои странности, хоть и признаю, что русские женские имена эти

бывают очень даже возвышенные и звучные, например, Екатерина (Вторая!). К тому же, с каждым из женских имен у автора связаны какие-нибудь ассоциации, совершенно не имеющие отношения к нашему повествованию.

Эх, ну да ладно! Разведя все эти туры на колесах, автор вовсе не имел в виду сильно заинтересовать терпеливого читателя, который уже – это ж надо же! – дошел до этих строк. Короче, звали ее очень даже неизбежным именем Аделаида – была такая лучшая подруга у ее матери, вот она и подсутилась в момент рождения младенца... Мать подумала-подумала да и решила, что чем называть дочку Наташкой, Танькой или Светкой, лучше уж наградить ее таким красиво звучащим и очень редким именем. (Ну и подруга опять же будет довольна!).

Ну вот, начало нашей повести положено. Значит, сидит Аделаида, пьет черный свежесваренный кофе и размышляет о своей полностью неудавшейся жизни. Всяк скажет, что в наше-то время, когда кругом сплошной гламур, и каждый умник деньги гребет лопатой, такой глубокий «пессимизм» характеризует только то, что Аделаида сама во всем виновата. Но разве кто-нибудь спорит?! Отнюдь, отнюдь... Согласны все – и автор, и будущий читатель, и даже сама героиня, ибо она была человеком в общем и целом неглупым (так, иногда только, вдруг, ни с того ни с сего пускалась в крупные, ничем не оправданные глупости, но это было, надо сказать, нечасто).

Но ведь никому, а тем более, Аделаиде, не легче от сознания того, что все бывают правы, когда утверждают (особенно еще если безапелляционным тоном) бессмертные истины типа «Волга впадает...» Да можно написать здесь и сейчас миллион правильных истин – и кому все это будет интересно?!

Короче, пила она кофе, день начинался, только ничего хорошего не предвиделось. Самое смешное, что папу ее случайно звали Денисом (но мама разошлась с ним, когда Аделаида была совсем маленькой, поэтому она его не помнила, так что папу вообще можно здесь и не описывать даже) – то есть, полностью ее имя звучало, как Аделаида Денисовна. И опять обратимся к классике – все ведь должны помнить «Один день Ивана Денисовича», и мы могли бы назвать это описание Аделаидиной жизни так же, но только, боюсь, одним днем тут не обойдется, даже при всем при том, что личность эта (Аделаида то бишь Денисовна) была, с одной стороны, вроде бы и ничем не примечательная, а с другой... Ну, это как посмотреть, конечно, но что вы скажете о женщине, которая последние пятнадцать лет провела в полном и абсолютном сексуальном одиночестве? Правда, если произвести обыкновенный арифметический подсчет, за свой половозрелый, так сказать, период она поимела – или ее поимели – довольно большое количество лиц противоположного пола, и даже, как ни странно, энное количество своего...

Вы скажете, мой высоконравственный читатель, как в том бородатом анекдоте: «Евонная мать – блядь» – и будете неправы!

Но не буду спорить, это уж как кому нравится – осудить, оправдать (мало ли какие были обстоятельства?), или вообще не прореагировать – подумаешь, подвиг, про некоторых бывает все известно, а некоторые втихаря еще и не то делают!

Эту тему мы разовьем где-нибудь в конце, непременно опишем всех мужиков и все обстоятельства, а сейчас нас интересуют все нюансы Аделаидиногo причудливого настроения. Заодно попытаемся вникнуть и в причины ее глубокого неудовлетворения своей жизнью. Не зря же в наше время при каждой фирме и даже маленькой фирмочке существует штатная единица психолога, а на гнилом (как нам внушали при Советской власти) Западе уже десятилетия (а может, и все сто лет!) имеются в большом количестве практикующие врачи-психоаналитики, безбедно, между прочим, живущие, потому что члены капиталистического общества не жалеют денег на выявление в своей душе малейших психологических изъянов и нонсенсов, и не любят испытывать психологический дискомфорт.

А что же остается нашим людям??? Возьмем, к примеру, визит к адвокату. Пара-тройка слов – и с вас уже содрали, как минимум, тысячу р. Так что наш народ предпочитает экономить хотя бы на психоаналитиках...

Но мы, ей-богу, отвлеклись (хотя и, если опять же обратиться к творчеству и опыту «великих», то они часто вставляли в свои произведения всяческие рассуждения на посторонние темы и называли это «лирическими отступлениями»).

Минуты, которые Аделаида посвящала священному ритуалу поглощения кофе, были самыми приятными за весь день, потому что вскоре просыпалась Аделаидина «обуза» и тяжкий крест по жизни. Манечке было глубоко за восемьдесят, и она уже перешагнула черту, отделяющую взрослого человека от младенца – именно в таком порядке, а не наоборот. Многочисленные Манечкины капризы тоже позволяли причислить ее к существам ясельного возраста. Весь Аделаидин юмор полностью иссякал, и все доводы здравого ума испарялись, когда Манечка, сложив губки бантиком, в тысячный раз возмущенно заявляла: «Неужели ты не знаешь, что я терпеть не могу молока?» (Этот продукт мог быть чем угодно, в зависимости от силы воображения читателя, главное, что Аделаида и не думала предлагать ей и молока, и всего прочего, что Манечка не любила). И после этого «вступления» в стопятидесятый раз рассказывалась история о том, как Манечка сидела в Большом зале консерватории, а какой-то несчастный меломан, расчувствовавшись от музыки и от соседства очень привлекательной девушки, нечаянно положил руку на ее коленку. И его увезли на «Скорой помощи», так как Манечка, недолго думая, заехала ему в физиономию тяжелым биноклем (так как она была сильно близорука, она в театре или консерватории пользовалась своим собственным биноклем с многократным увеличением, а не тем слабеньким, который выдают в гардеробе).

Но Манечка пыталась Аделаидины мозги не только одним этим сладким воспоминанием. У нее в запасе были и другие, не менее приятные истории, которые льстили ее душе, напоминая ей о том, как она много десятилетий подряд защищала свою железобетонную девственность, которая была предметом ее страстной и непоколебимой гордости.

В голове Аделаиды начинало закипать ее очень уязвимое серое вещество, и появлялось большое сожаление по поводу – во-первых, отсутствия такого же бинокля в ее руках, во-вторых, она прекрасно понимала, что может сколь угодно долго воображать сцены расправы, но никогда не сможет из виртуальных грез перейти к реальным действиям, как бы Манечка ее ни доставала. В отличие от Манечки, чья непосредственная натура состояла из одних только безусловных рефлексов, Аделаида была существом очень ответственным за свои поступки, а это так мешает в жизни, согласитесь: ведь мало что можно себе позволить «от души»! И это уже выделяло Аделаиду, скажем так, из толпы, поскольку менталитет большинства наших людей состоит наполовину из безответственности, а другая половина – сложный конгломерат простейших желаний: шмотки, вкусная еда, выпивка, ну, конечно, незатейливые удовольствия (сексуальные и иные прочие) и так далее по списку (читатель, поковыряйся в своей душе – далеко забираться не придется!

Манечка требовала материнской заботы целый день, а послать ее к черту Аделаида не могла – элементарно некуда было, никто не брал бедную старушку под свое покровительство. А когда-то давно она имела и элитную поликлинику, и всякие там пайки, поскольку была в прошлом причислена к клану знаменитостей – в качестве совсем даже неплохого театрального критика. Знаменитости нуждались в Манечкином доброжелательном пере, в том смысле, что ее рецензии приносили им лишнюю славу, но теперь она была никому не нужна: ни знаменитостям (многие из которых стали, благодаря Манечке, знамениты выше крыши), ну а про наше «благодарное» Отечество можно и вообще умолчать...

А у Аделаиды рука не поднималась отвезти выжившую из ума и впавшую в глубокий маразм старуху в психушку. Сама психовала, дергалась – и терпела.

Впрочем, Манечка и раньше была далеко не подарок, так что маразм тут был даже как бы и не причем. Один Бог знал, сколько времени еще это будет продолжаться; конечно, Аделаидины нервные ресурсы были уже на полном исходе, но... ситуация-то была тупиковая (а еще говорят, что не бывает безвыходных положений – бывают, бывают, еще как бывают! Вспомни, читатель, наверняка даже напрягаться не придется – и с тобой было?)

Мне так жаль Аделаиду, что я теряю нить повествования. Аделаида с Манечкой, две бывшие интеллектуалки, по воле судьбы попали на житье в глухую маленькую деревушку, населенную такими колоритными «аборигенами», которые могли дать сто очков любым аборигенам хоть Новой Зеландии, хоть Огненной Земли. Для того, чтобы описать эту публику адекватно, нужен гений Николая Васильевича, не меньше.

Аделаида, пожив в деревне, все поняла: и почему мы так плохо живем, и почему в нашей стране когда-то, почти сто лет назад, была революция, и почему мы никогда не будем жить, как на Западе. Во всем было виновато свойство, названное учеными людьми мудреным словом «менталитет», а проще говоря, русские люди, окружающие ныне двух бывших москвичек, очень любили пить (причем пили они совершенно страшные по своему составу напитки), а также тащили все, что плохо лежало (и «хорошо» тоже). Вот эти два коренных обстоятельства и составляли – фифти-фифти – менталитет русского народа, и не надо было никаких научно-исследовательских институтов, чтобы понять эту примитивную, как пареная репа, истину. Аделаида, когда смотрела телевизор, очень удивлялась многочисленным дискуссиям высокоученых мужей на тему «о судьбах России» и каким она пойдет путем. Этот путь был весьма наглядный – деревня потихоньку переселялась на кладбища, прямо на глазах туда уходили молодые мужики и бабы, не только старики. Кто-то, правда, уезжал в города, но мало, кого-то забирали в армию, но редко, потому что, как правило, медицинская комиссия, обследовав новобранца – последнего в алкогольном роду, признавала его негодным к службе по причине дебильности: вырождение было слишком уж очевидным.

Да, «как веревочке ни виться, конец всегда будет» – деревни пустели со страшной силой. До районного центра, куда Аделаида иногда ездила по каким-нибудь делам на нечетко ходившем автобусе, надо было проехать довольно много деревень, и все они зияли разрушенными избушками с выбитыми окнами. Население земного шара увеличивалось, судя по статистике, стремительно, но явно не за счет деревенских жителей России.

А что касается революции (так называемой Великой Октябрьской) – один из ее главнейших лозунгов был «Грабь награбленное!» Совершенно понятно, что если сейчас кликнуть таким же образом, то все эти алкоголики и (отнюдь не дряхлые) старушки бросятся грабить, как помешанные, потому что их главным лозунгом, как это хорошо стало понятно Аделаиде (на собственном опыте) был – «Тащи – в хозяйстве пригодится!»

Когда-то Аделаида привезла биотуалет (выкинутый потом за ненадобностью – в деревне кругом был «туалет», стоило только сойти с крыльца), так ближайшая ее соседка, которую в деревне звали исключительно по кличке «Баба Бабариха» (она прилипла к ней до такой степени, что никто даже не помнил ее настоящего имени), украла несколько бутылок с жидкостью, которая заливалась в биотуалет, чтобы отбить запах. Видимо, рассчитывала жарить на ней картошку, не иначе.

Кроме маниакальной страсти к воровству Баба Бабариха отличалась еще тем, что была великой барахольщицей. Она подбирала все, что было выкинуто – от грязных рваных носков до вышедших из употребления телогреек и валенок. Возможно, ее род вел свое происхождение от очень знаменитого предка, так ярко описанного тем же Николаем Васильевичем Гоголем в его бессмертной поэме, а может быть, это качество – любовь к собирательству ненужных сломанных или отслуживших свой срок предметов, входило, опять же, в менталитет русского человека, поди разберись в этой психологической каше! (Последний термин – «каша» – уж на то пошло, будет, по крайней мере, хоть понятней и ближе к той же Бабарихе и ей подобным,

нежели более уместное здесь выражение, которое часто применяют авторы романов о душе человека – «психологический коктейль»).

Еще Баба Бабариха умела виртуозно ругаться матом, и Аделаида, пожив у нее в соседках несколько лет, переняла это ценное и полезное умение (впрочем, им обладали, без преувеличения будь сказано, все 140 миллионов населения страны, от мала до велика. Однажды Аделаида шла по дороге и увидела маленьких детишек, с увлечением и даже с каким-то садистским наслаждением бьющих бутылки, и попыталась не пройти равнодушно мимо, как поступает большинство взрослых, а как-то воздействовать на малолетних хулиганов, сделав им соответствующее словесное внушение. Когда последовал ответ, у Аделаиды повяли уши, и ей пришлось спастись молниеносным бегством, иначе уши просто бы отпали от выражений, употребляемых этими, с позволения сказать, «малышами», самое приличное из которых было «старая мандавошка»).

...Покончив с кофе и с дежурными Манечкиными сентенциями, Аделаида принималась за обычные каждодневные дела, например, в холодное время года надо было топить печку. Почему-то все московские знакомые чурались этого приятного занятия. Когда Аделаида приглашала их в гости, они отказывались, говоря: «Ну вот еще, ведь у тебя же там надо с печкой возиться!» Аделаида как раз любила возиться с печкой: просыпаешься утром, на улице мороз, изба вся выстыла так, что не хочется выбираться из-под одеяла, но, совершив над собой волевое усилие, ты уже кидаешь в печурку пахнущие лесом дровишки, разжигаешь поначалу жиденький несмелый огонек – и вот уже полыхает целый костер, а ты кидаешь еще и еще, и избушка наполняется блаженным теплом... Аделаида никогда не умела остановиться вовремя, поэтому температура в домике доходила чуть ли не до сорока градусов, как летом на побережье какой-нибудь мусульманской страны, и приходилось раздеваться чуть ли не догола, потому что пот лил градом от такой очумелой жары.

– Здорово, баушки! – это появлялся еще один «типичный представитель» деревни по прозвищу Гошонок (вообще-то по паспорту он именовался Колей Лебедевым, но папу его звали Гошей – отсюда мама его звалась Гошихой, а он, соответственно, Гошонком).

– Не нады ли чего?

«Нады»-то было не «баушкам» (с одной из которых Гошонок был одинакового возраста, а другая в прошлом была известным московским театроведом, но Гошонку на это было в высшей степени начхать), «нады» было самому Гошонку, потому что пенсия ему еще не светила по причине совсем не старого возраста, а работать в деревне, кроме собственного огорода, было решительно негде, так как все колхозы и совхозы давно развалились (как и все прочие насильственные предприятия товарища Сталина, во имя которых было пролито столько крови и принесено столько жертв!).

А если заводилась какая-нибудь лишняя копейка (например, украв что-то плохо лежащее у одних дачников, Гошонок толкал это другим дачникам за бесценок), она тут же пропивалась, и продолжительность очередного запоя зависела только от количества презренного металла – если бы Гошонок был олигархом, он пил бы, не переставая, – такой удивительный он имел организм.

Аделаида была натурой жалостливой и поначалу угощала Гошонка всякой всячиной – то чаю сунет, то кусок сала, но потом поняла, что хитрые крестьяне жили куда благополучнее, чем она сама, а все, чем она их «одаривала», либо оседало на чердаках (у старух), там же, где ворованное, либо менялось на низкопробный спирт (мужиками). Причем деревенские никогда и никому ничего не делали бескорыстно. Баба Бабариха много лет дружила с бабкой Веркой. Эта «дружба» выражалась в том, что они ходили друг к другу каждый день и всласть, по несколько часов, сплетничали обо всех обитателях их деревни, а также всех ближайших окрестных деревень. Это продолжалось лет пятьдесят, и вот в один прекрасный момент бабка Верка занемогла. Бабариха стала носить ей воду из колодца, взимая за каждый визит по пол-

тиннику (50 рублей, а вовсе не копеек). Вот тебе и закадычные подруги!!! Впрочем, эта дружба кончилась плачевно: собака Бабарихи – Мухтар – сожрал две Веркиных курицы, Верка пришла требовать у Бабарихи законной компенсации, но та категорически ей отказала, мотивируя это тем, что «я твоих куриц и в глаза не видела!». И бабка Верка возненавидела бывшую подругу лютой ненавистью.

– Чтобы не смела являться на мои похороны!

Этим страшным проклятием закончились полвека, проведенные в сладостном перемирии косточек ближних и дальних...

Глава 2

По натуре Аделаида была склонна к философским размышлениям. Например, она очень часто размышляла на тему о несовершенствах нашего существования, кои представляли перед ее глазами на каждом шагу. Обычно люди рождаются, живут, занимаясь какой-нибудь полезной (или вредной) деятельностью, и умирают. Аделаида так не могла, это было не для нее. Сколько она себя помнила, она всегда искала ответы на «проклятые», «вечные» вопросы, и в результате у нее накопилось множество претензий к Господу Богу.

Все Аделаидины друзья и знакомые жили себе нормальной жизнью: заканчивали высшие учебные заведения, женились, выходили замуж, разводились, рожали и воспитывали детей, работали, покупали мебель и шубы и так далее и тому подобное – в общем, жили себе и жили и никогда не ломали голову над тем, что было неразрешимо по определению. И когда Аделаида пыталась поделиться с ними своими мучительными раздумьями, они махали руками: «Зачем тебе это надо?! Ты что – хочешь свихнуть мозги и попасть в психушку?» Поэтому Аделаиде ничего не оставалось, как замкнуться и продолжать искать «смысл жизни» уже «про себя», ни перед кем не обнаруживая своих тайных и бесплодных мыслей.

Может быть, поэтому и не сложилась так называемая «личная жизнь» В молодости Аделаида была очень симпатичной, с правильными чертами лица и с точеной фигуркой, мужчины начали липнуть к ней уже тогда, когда ей исполнилось лет 16. Но она не понимала, чего от нее хотят, потому что в этом возрасте витала в облаках, как говорится, «в царстве романтических грез». Да и время было совершенно другое, нежели сейчас, когда телевизор и Интернет просвещают детей во всех смыслах чуть ли не с ясельного возраста.

Наконец, когда она закончила школу и находилась перед выбором дальнейшего пути, к ней подвалил один субъект – Вячеслав Филиппович Есаулов, преподаватель физкультуры в той школе, где она раньше училась. Он целый год умело обрабатывал мозги невинной девочки Аделаиды, уговаривая ее «сорвать плод с древа познания», под которым он подразумевал, конечно, исключительно плотские утехы. Напор взрослого опытного мужика кончился тем, что Аделаидино сопротивление в итоге сошло на «нет».

Конечно, Аделаида не испытала ничего, кроме отвращения, а потом... и пошло, и поехало, ей уже было все равно, и не имел ее только ленивый. «И стар, и млад» – «каждый искал в ней любви и забавы, и на груди у нее засыпал». Впрочем, иногда в Аделаиде просыпался запоздалый садизм, и она отказывала очередному претенденту на обладание ее красивым телом. Это тоже случалось неоднократно.

Помнится, она целый день загорала на пляже с каким-то знакомым парнем, потом они пришли к ней домой (Аделаида жила одна, ибо была фактической сиротой, воспитывали ее случайные люди, которые в итоге куда-то исчезали из ее жизни), и парень приступил к «штурму крепости», но был с позором выгнан. Он возвращался несколько раз, все это продолжалось до утра, но Аделаида была непреклонна. Под утро несчастный парень стал лить крокодиловы слезы и туманно намекать на самоубийство (чего только мужик не наврет, когда сильно хочется трахаться!). Но даже это, вроде бы сильнодействующее средство ему не помогло. Парень был отвергнут раз и навсегда (и, как впоследствии узнала Аделаида, очень быстро утешился в объятиях другой и вскоре женился).

Нельзя сказать, что с Аделаидой просто хотели переспать, а потом бросить – вовсе нет. Из тех мужиков, с которыми она имела дело за свою жизнь, может быть, только третья часть была женатых (да и те иногда порывались уйти от своих законных супругиц к Аделаиде), а многие из всех прочих не раз предлагали Аделаиде руку и сердце. Но Аделаиде никто из них не был нужен... Никто. И представить того, что она будет жить с кем-то всегда, готовить ему обед, рожать детей и наводить «семейный уют», она не могла.

А вышеупомянутого садизма в Аделаиде было предостаточно. Она могла провести ночь в бурных ласках, а в результате не позволить овладеть собой. Был еще такой эпизод: как-то она, будучи в гостях у своей тетки в Казани, увидела афишу, извещающую о выступлении ее знакомого скрипача (надо сказать, что Аделаида была каким-то боком вхожа в музыкальный мир – наверное, потому, что очень любила классическую музыку, это в ней было врожденным, и если бы ее жизнь сложилась как-то иначе, то, может быть, она стала бы настоящим профессиональным музыкантом).

Скрипач пригласил ее после концерта поужинать, но он был не один – оркестром, с которым он выступал, дирижировал молодой, прогремевший тогда на всю страну, победивший на конкурсе в Вене, дирижер. Поужинав в ресторане, они все втроем пошли в гостиницу, где остановились наши гастролеры (а остановились они, разумеется, в самой шикарной – центральной гостинице Казани «Татарстан», но это так, к слову). Там пьянка продолжилась. Под утро Аделаиде пришла в голову «оригинальная» мысль освежиться, и она пошла принять душ. Вслед за ней туда влез и пьяноватый знаменитый дирижер. Он стал сладострастно тереть Аделаиду мочалкой, будто он был не дирижер, а профессиональный банщик, при этом весь горя вожделением. Аделаида поворачивалась в разные стороны, подставляла все части тела, которые дирижер промыл, прямо как симфонией продирижировал – гениально.

Но в тот момент, когда он решил, что пора уже переходить к финалу, и приступил к заключительным аккордам, Аделаида ловким движением ноги пнула его под зад, и он вылетел из душа, не успев даже понять, что, собственно, произошло. Аделаида заперлась на крючок, но это было лишним, так как ошеломленный такой фантастической концовкой, наш гений даже и не пытался к ней ломиться.

Она спокойно домылась, вышла, и они все трое, так как скрипач тоже не спал, ожидая, чем закончится это представление, мирно попили кофе. Скрипач всю дорогу ухмылялся, так как знал ее стервозный и взбалмошный нрав, а дирижер, потерпевший такое, с его точки зрения, незаслуженное фиаско, хранил непроницаемое молчание. Аделаида мило попрощалась и упорхнула.

Потом, через много лет, когда скрипач стал руководителем огромного симфонического оркестра в Амстердаме, они встретились в Москве, куда скрипач приехал с концертом.

– А тебе привет от Вольдемара, – сказал он, когда концерт кончился, и они увиделись – Аделаида, конечно, зашла к нему в артистическую поздороваться, надеясь, что заезжая знаменитость все еще ее не забыла. Так и оказалось.

– А кто это? – не поняла Аделаида.

– Ну помнишь, он тебя еще помыл...

– А-а. Да. Что-то припоминаю, но очень смутно.

– Вот если бы ты ему тогда отдалась, он бы тебя забыл через пять минут, а так – запомнил на всю жизнь...

Впрочем, это все были шалости молодости, «дело молодое», как говорили бабки в деревне, где Аделаида ныне обреталась. Получив такой большой сексуальный опыт, Аделаида так и не встретила человека, достойного ее любви, и поэтому уже лет пятнадцать как отказывала всем подряд. Конечно, молодость давно прошла, и больше ее не домогались так, как раньше – каждый встречный и поперечный, но все-таки случалось и сейчас, что мужики приставали как с ножом к горлу, но Аделаида научилась очень быстро давать им от ворот поворот.

Точеная фигурка постепенно расплылась, став непривлекательно бесформенной – Аделаида отнюдь не страдала отсутствием аппетита, ко всему прочему, она любила поваляться с книжкой или у телевизора, а несколько лет вообще провела, безвылазно сидя на стуле перед компьютером – и такой неподвижный образ жизни не способствовал сохранению стройной фигуры.

А жизнь в бешеном темпе утекала в никуда... как вода в песок (прости, читатель, за банальное сравнение). Пока Аделаида разбиралась с мужиками, в стране начисто сменилась политическая и экономическая формация, да что там – страны, в которой она родилась, попросту не стало. Изменилось все на свете – и не понять, в худшую или в лучшую сторону?

«Что ни делается, все к лучшему», – говорили древние. На первые роли выскочили самые наглые и самые подлые, ограбив безропотную и бессильную массу. Впрочем, роптать пытались – например, в 93-ем году, но подавили это безжалостно. И народ начал вымирать – вымирание шло в страшных количествах (статистика приводила ужасающие цифры – от миллиона до трех миллионов в год).

Все это Аделаида наблюдала в деревне. И ей тоже было трудно выживать, как и всем. Впрочем, она прекрасно понимала, что по большому счету все происходило от ограниченности и убожества этой самой «массы», ведь сто лет назад маленький, злой, картавый мужичонка не смог бы ее раскачать, если бы не вытащил из нее на свет божий все самое худшее и самое низменное.

И сейчас – кто был виноват в том, что «массе» нравилось жить в убожестве? Конечно, крестьянский труд – самый тяжелый на свете, но ведь, имея землю, никогда не останешься голодным, выживешь при любых катаклизмах, при любых революциях и войнах, элементарно посадив картошку и капусту!

Но ведь не только в сытости было дело. Аделаида в молодости, покинув небольшой городок, в котором она родилась, и уехав жить в большие города, в столицы, вращалась в определенном кругу людей, и, поскольку ее всегда тянуло к интеллигентным слоям общества, как-то так получилось, что друзьями ее становились люди довольно-таки незаурядные, в основном, творческие, но не они «определяли погоду» в стране, они были для этого общества, пожалуй, так же нетипичны, как и сама Аделаида.

99 процентов этого общества мечтало только о материальном благополучии – вот что было страшно!!!

Но, может быть, не стоит так уж сильно горевать по этому поводу? Может быть, это вообще изначально присуще человеческой природе?

Займемся лучше Аделаидиными проблемами, ведь судьба одного человека может быть не менее интересна, чем судьба целого народа или описание какой-то исторической эпохи.

Аделаида была брезглива и не выносила запахов, поэтому не могла находиться в толпе, что бы эта толпа из себя ни представляла: очередь ли в магазине, скопище людей в транспорте в час пик или какой-нибудь политический митинг – последнее стало нередким явлением в годы «перестройки». И если Аделаида случайно попадала в такой переплет – вот уж где была мука мученическая! Наверное, поэтому милосердный Господь Бог и решил забросить ее в глухую деревню, проявив к ней крайнее милосердие!!! Но глупая Аделаида не была благодарна ему за это. Свежий воздух и красоты природы уже лезли у нее из всех дырок, ей надоели покой и тишина, и хотелось очутиться в гуще каких-нибудь, пусть даже сомнительных, но событий (хотя она и понимала, что все это сплошные иллюзии – что где-то ей может быть хорошо! Она была уверена, что ей будет плохо везде...)

Так как ее деятельная натура требовала активных действий, а не полусонного деревенского прозябания, Аделаида, в один прекрасный момент бросив Манечку на произвол судьбы, села на поезд и, приехав на Белорусский вокзал, ринулась в самый центр столицы, в фирму, где ей вручили для заполнения анкеты, в которой, среди прочих, был и такой вопрос: «Наме-

рены ли вы въехать в страну с целью проведения подрывной или террористической деятельности, или с какими-либо иными противозаконными целями?»

– Эге, – присвистнула Аделаида. – Кретинизм живет и процветает не в одной только моей стране! Он цветет махровым цветом и в самой могучей державе мира!

Но это «прозрение» ничего не меняло, ибо Аделаида рассудила, что чужие дураки гораздо приятней, чем свои. К тому же, она почти не знала языка и рассчитывала, что три четверти дебильной информации, получаемой посредством слуха, пройдет мимо ее ушей.

Правда, это будет еще не скоро. Пока что Аделаида находилась в своей родной стране рядом со своими родными дураками и наедине со своими не очень радостными мыслями.

День проходил за днем, и так пробежало (с ума сойти!) чуть ли не полвека! Аделаида, погружившись в воспоминания, не заметила, как остыл кофе. Мысли перескакивали с одного предмета на другой, не подвластные упорядочиванию.

Когда она была молодой, то не только занималась сексом (как можно подумать, читая наше незатейливое повествование), но еще и пыталась «грызть гранит науки». Тянуло ее, в основном, на гуманитарные дисциплины, с которыми в то время (всего каких-то тридцать лет назад) дело обстояло довольно плохо: над всем довлело «всепобеждающее учение» – марксизм-ленинизм, высшая стадия кретинизма и дебилизма которого пришлось как раз на расцвет Аделаидиной молодости.

Юная Делечка, поступив в университет в одном из наших Академгородков, очень скоро поняла, что не может позволить засирать себе мозги в таком невероятном количестве морального дерьма, которое ей предлагалось, и вскорости отвалила из «Храма Науки».

Вторичная попытка была предпринята, когда все еще юная Аделаида с блеском (сдав все вступительные экзамены только на «отлично») поступила в институт иностранных языков, и учиться бы ей там и учиться до тех пор, пока она не стала бы блистательным переводчиком, но черт ее дернул на одном из концертов все той же классической музыки познакомиться с женой высокопоставленного чиновника при посольстве Франции (полностью это звучало так: полномочный министр, советник при посольстве), которая пригласила ее после концерта в гости, и Аделаида всю ночь провела у мадам Мэри Делаэ (жена французского министра Ива Делаэ была англичанка). Там находились еще два месье. Ничего особенного не происходило – ее никто не вербовал в шпионки, просто они вкусно пообедали, выпили немного хорошего вина и поболтали о Прусте и импрессионизме, причем французская компания была немало удивлена познаниями Аделаиды, которая, как они поняли, была в общем-то простая девчонка из глухой провинции. К тому же, Аделаиде представился хороший случай попрактиковаться в языке, что было для нее немаловажно – имея абсолютный слух, она прекрасно усваивала правильное произношение, которым не могли похвастаться многие преподаватели.

Придя в институт, Аделаида простодушно поделилась своими впечатлениями о новых знакомых, и через несколько дней ее вызвали на институтское партбюро, где суровая Сарра Исааковна Мулина объяснила ей, что ее исключают из института «за измену Родине».

Аделаида пыталась лепетать, что никакой измены она не совершала – ведь она всего лишь поговорила с французами об искусстве и литературе. Но Сарра Исааковна была неумолима.

После исключения Аделаида несколько лет жила, можно сказать, с «волчьим билетом», но судьба дала ей еще один шанс – она опять поступила в очень творческий вуз, который тоже не смогла закончить, но на сей раз по причине вполне личного свойства: ее закрутила волна увлечения одним пожилым мужичком, а так как Аделаида была, скорее всего, максималисткой, институт просто пошел побоку.

Лет через десять, на каком-то открытии выставки она случайно повстречалась со своими бывшими преподавателями, которые ее тотчас же узнали (Аделаида всегда оставляла глубокий след в душах людей, ее либо очень любили, либо так же сильно терпеть не могли). Они стали

охать и ахать, узнав про Аделаиду неприкаянность, и тут же предложили ей восстановиться – это через десять-то лет!.. Но Аделаида понимала, что это невозможно – поезд давно ушел...

Так что образования у Аделаиды набиралось где-то курсов 8—9, и она, как Максим Горький, вполне могла сказать: «мои университеты». И, как у Горького, ее единственным настоящим «университетом» оказалась сама жизнь.

Глава 3

Аделаида не только «витала в эмпиреях», она еще и любила готовить. Ее самым любимым блюдом были голубцы. Теперь очень модно помещать в книжках, совершенно не имеющих отношения к кулинарии (например, в любовных романах или детективах), всяческие кулинарные рецепты. Некоторые авторы-женщины (а они давно обогнали мужчин хотя бы по количеству написанных ими романов) даже издали целые сборники кулинарных советов – так не будем же отступать от современных канонов написания популярных книг, тем более, что, в отличие от всяких неприятных тем (бандиты, обогащение, наркотики, торговля людьми и прочий криминал, который заполонил страницы наших книг), эта тема будет приятна абсолютно каждому – ведь наверняка нет такого человека, который не любил бы вкусно покушать. А голубцы стоят того, чтобы их увековечить.

Итак, читатель, настоятельно рекомендуем выполнить следующие действия: сходите на рынок (желательно, конечно, не на самый дорогой) и закупите изрядный кусочек говядинки, а к нему в пару – кусочек свининки с ма-а-люсеньким жирком. Все это добро перекрутите на мясорубке, добавьте соли и специй, а также мелко покрошите в фарш большую луковицу.

В большой кастрюле вскипятите воду, чуть подсолите, и киньте туда большой кочан капусты. Отдельно отварите еще и рис, и добавьте его в фарш. Когда капустные листья сделаются мягкими, начинайте их отрывать по одному, но очень осторожно, не порвите – они должны быть целенькими, тогда голубцы завернутся аккуратно и будут очень красивыми.

И так вы оторвете от кочана лист за листом (кроме самых последних, мелких), в кои упакуете фарш, наделав таким образом изрядное количество красиво завернутых голубчиков. Теперь смело кидайте их на сковородку и обжаривайте с обеих сторон. И на заключительном этапе, вылив в кастрюлю банку сметаны, добавив немного майонеза для придания пикантного вкуса вашему блюду, а можно еще и молочка подлить – тоже не будет лишним, положив туда полпачки сливочного масла – тушите, тушите и тушите ваши голубцы на медленном огне! И совсем уж высшим пилотажем будет, если вы покидаете в кастрюлю, где тушатся голубцы, предварительно нарезав, остатки мелких листьев капусты, и потрете туда еще пару морковок для вкуса.

Уверяю вас – в результате вы проглотите свой язык! Аделаида много чего умела делать на кухне, но почему-то ей свое не казалось таким уж вкусным, а вот голубцы... Наготовив их в страшных количествах, взяв самую огромную кастрюлю, ей никогда не казалось, что голубцов слишком много. Она съедала их чуть ли не за сутки с большим, даже можно сказать, отменным, аппетитом, поэтому, зная за собой эту свою особенность, она готовила их чрезвычайно редко, так как очень комплексовала из-за своего избыточного веса.

Любимым же алкогольным напитком ее был по молодости ликер «Vana Tallinn», но впоследствии, когда Советский Союз развалился, и эстонцы перестали поставлять этот божественный нектар, Аделаида перешла на шерри-бренди, который, как ни странно, иногда мелькал на витринах наших магазинов, и даже отнюдь не по заоблачным ценам.

Шерри-бренди, как явствует из названия – это обыкновенный вишневый ликер, и если ты его никогда не пробовал, мой терпеливый читатель, в благодарность за то, что ты читаешь столь непоследовательное сочинение (начали за здоровье, кончили за упокой), автор настоятельно рекомендует тебе его попробовать, не пожалеешь!

Вот так прихотливо соединялись в душе Аделаиды любовь к возвышенному (ее частые размышления на всяческие философские темы) и любовь к чисто земному, можно даже ска-

зять, утробному. Ну и что?! Все это так понятно! Кто из вас не любит пожрать – первый бросьте в Аделаиду камень!

В людях же Аделаида категорически не признавала только одного – непорядочности. Со всем остальным она согласна была примириться. И как раз-то от людской непорядочности она и страдала всю свою жизнь. Ее все время наддували и обманывали, хотя, вроде бы, Аделаида была и не дура, и наивностью особо не отличалась. Но на каждом шагу она терпела всяческие убытки – от моральных до материальных. В крупные дела Аделаиде лучше было бы и не лезть, но пришлось, и неоднократно – жизнь заставила.

Сначала они стали сдавать Манечкину квартиру в центре Москвы. Первые их «постояльцы» платили им довольно мало, но однажды Аделаида случайно подняла с пола какую-то бумажку, из которой стало понятно, что эти неприметные люди, ездившие в потрепанном замызганном автомобиле, миллионеры, поскольку занимаются крупным ростовщичеством и имеют до ста тысяч долларов в день! Аделаиду это открытие ошеломило, поэтому со следующих своих арендаторов она запросила гораздо больше, чем с первых. Те не отказали, но вскоре пришлось отказать им. Однажды, придя к своему (то есть, к Манечкиному) дому, Аделаида обнаружила во дворе огромное скопление народа. Оказывается, фирма, помещавшаяся в их квартире, обещала всем, кто по дешевке купит их акции, ни больше ни меньше как квартиру в Москве!!!

– Люди! – не выдержала Аделаида. – Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

Ее чуть не побили. Фирма называлась «Программа „Жилье“» и показывала свою рекламу на фоне Белого Дома. Манечка сразу же переделала это название, и оно стало звучать чуть-чуть иначе: «Программа „Жулье“». Тысячи дураков несли им свои денежки, жулики их, можно сказать, гребли лопатой (к сожалению, дураков у нас много, что-что, а они никогда не закончатся!!!). Эти прохиндеи на гребне такой высокой волны обнаглели до того, что поставили железную дверь (хотя ценностей внутри наверняка не было никаких, кроме пустых бумаженок, называемых громким словом «акции»), перестали платить арендную плату и готовились, видимо, к тому, чтобы отобрать квартиру, но Аделаида решительными действиями пресекла мошеннические поползновения – ей удалось отобрать у жуликов ключ.

Потом они с Манечкой засели в своей квартире, как в осажденной крепости (благо, железная дверь наличествовала), поменяли замок... И «Жулье» убралось восвояси – ясно, что эти люди все-таки боялись какого бы то ни было скандала. Их реклама еще какое-то время мелькала по телевидению, но вскоре пошел слух, что они сбежали за границу, награбив у доверчивых россиян много-много денег...

Еще очень долго жаждущие жить в московской квартире, купленной за пять копеек, обрывали телефон, терзая Аделаидины нервы, но месяца через два ажиотаж, слава тебе, Господи, сошел на нет.

Следующими были жириновцы. Чем они там занимались – покрыто мраком, но они очень «облагородили» помещение, которое не ремонтировалось уже лет пятьдесят: наклепили подвесные потолки, установили ложные стенки, скрывавшие прежние облупленные (дом был старинный – 18-го века), поставили несколько компьютеров и завезли красивую офисную мебель, а также завели глупую, но очень эффектную, с броской внешностью, девку-секретаршу.

Они тоже попробовали тихой сапой завладеть квартиркой – глава этого заведения Сергей Альбертович стал приглашать Манечку пожить у него на даче, но у Манечки хватило ума отказать хитрому жириновцу, и она отделалась только потерей старинного рояля, который он у нее выпросил. Но что такое рояль по сравнению с жизнью!

Когда же Аделаиде пришлось выдворить и жириновцев, они обставили свой уход вполне в буйном духе своего вождя – квартира была разгромлена подчистую, но, видимо, жириновцы все-таки решили оставаться в границах относительного приличия (опять же, по их понятиям), так что все удалось восстановить с более или менее небольшими затратами.

Но самым оборотистым и хитроумным «постояльцем» оказался бывший кандидат физико-математических наук Александр Федорович Мурьяков. Он устроил в квартире обменный пункт, в который «черным налом» (налоги, естественно, он не платил) текли доллары и прочая валюта. И с этого «обменника» начался его путь к бешеному богатству – вскоре он захватил весь дом.

Ему не составило большого труда обвести блаженную Манечку вокруг пальца, и даже Аделаида ничего не могла с ним поделать. Она в течение четырех лет ездила к Мурьякову за «милостыней»: он обставил дело так, что каждый месяц давал ей (а часто и заставлял приезжать по нескольку раз в месяц, и все напрасно) по 200—300 долларов, пока не выплатил ту мизерную сумму, которая была проставлена в договоре, при этом он себя считал жутко честным человеком – он ведь мог отказаться платить и вообще послать двух не деловых наивных теток куда подальше!!!

Что теперь говорить о том, что в наше сумасшедшее время Аделаида с Манечкой, имея квартиру в центре Москвы, стали бы миллионершами, не встретиться им на пути акула бизнеса Александр Федорович Мурьяков, который проглотил их, как последних мелких рыбешек – кем они в действительности и являлись, в нашей суровой действительности, где нет места честности и порядочности, которых так ждала и не дождалась никогда от людей Аделаида!

Самое удивительное, что она совсем не жалела о том, что не стала миллионершей. Почему-то ей казалось, что люди с большими деньгами очень плохо кончают в этой жизни, не говоря уж о «мирах иных» (что касается «миров иных», то наверняка все помнят известное евангельское изречение Иисуса Христа: «Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богачу попасть в Царствие небесное!»).

В жизни Аделаиды было три монстра, с которыми никто не мог сравниться по подлости, это: ее соседка по деревне Баба Бабариха; крутой мерзавец Александр Федорович Мурьяков; но страшнее всех оказалось Аделаидино чадо – девица Катерина, в которой мать души не чаяла.

Лет пятнадцать они жили душа в душу (естественно, Аделаида, при ее отношении к мужикам, воспитывала дочь одна). Аделаида крутилась, как могла, но Катерину баловала сильно – она вообще давала людям по максимуму, так была устроена, что не умела давать вполтину, а уж родной дочери...

Сначала они жили в небольшом городе, и соседка по подъезду Вера Николаевна всегда упрекала Аделаиду за то, что она балует девчонку. У самой Веры Николаевны было пятеро детей, поэтому она считала себя вправе отчитывать Аделаиду, впрочем, та не обижалась, зная, что Вера Николаевна очень хорошо к ней относится и делает все из самых лучших побуждений.

– Вот увидишь, Аделька, хлебнешь ты с ней горя! – часто говорила Вера Николаевна, увидев у Катеньки новую дорожную игрушку.

Но Аделаида в Катюшке души не чаяла. Как-то раз дорогу ей преградили какие-то люди – пожилая супружеская пара.

– Мы хотим с вами поговорить. Мы часто наблюдаем, как вы гуляете с девочкой. Дело в том, что...

И они поведали удивленной Аделаиде, что они бездетны и что до потери пульса влюбились в пухленькую кудрявую Катерину и очень хотят ее удочерить, но не бесплатно. За Катерину они предлагали несколько тысяч рублей, что по тем временам было громадной суммой, учитывая то, что средняя месячная зарплата составляла 120 рублей.

– Вы что, спятили? – Аделаида еле пришла в себя от изумления.

– Но вы же воспитываете девочку одна, вам же трудно... – Продолжали упорствовать в своем диком для Аделаиды намерении супруги.

– Об этом и речи быть не может. – Отрезала Аделаида, и они с Катериной пошли дальше, тут же забыв о такой «дичи», ведь разлучить их было невозможно – они были тогда одним существом.

Аделаида пожертвовала всей своей «личной жизнью», когда появился ребенок. Она старалась, чтобы девочка росла здоровенькой, и почти каждое лето возила ее на море, усиленно подрабатывая целый год на нескольких работах. Как-то, в один из таких приездов на Черное море, в электричке с ними познакомился интеллигентный мужчина, оказавшийся врачом, а также – вдовцом. Аделаида ему очень понравилась, и он пригласил их в гости.

Познакомившись, они поняли, что подходят друг другу. Врач сделала Аделаиде предложение, и она уже решила согласиться – в первую очередь, ради той же Катерины, ведь одной воспитывать ее было действительно тяжело. Но Катерина устроила скандал – она не желала делить мать с каким-то чужим, пусть и симпатичным, дяденькой.

Аделаида, конечно, пошла у дочери на поводу, и знакомство вскоре сошло на нет.

Когда Катерина подросла, она стала предъявлять матери всяческие претензии. Например, ее не устраивали тряпки, которые та ей с таким трудом покупала.

– У тебя совершенно нет вкуса! – говорила дочь.

Все ее прихоти немедленно удовлетворялись. Если на рынке покупалась первая, самая дорогая клубника, она доставалась только Катерине, которой даже в голову не приходило поделиться вкусеньким с матерью.

По настоянию дочери они продали квартирку в небольшом городке, и последний школьный год Катерина провела в Петербурге в самой дорогой гимназии, где учились детки богачей (как раз тогда Аделаида с Манечкой стали сдавать Манечкину квартиру, поэтому заплатить за обучение Катерины в этом «элитном» учебном заведении не составило большого труда). Директора этой школы прочили в пресс-секретари к самому Ельцину, а классом ниже Катерины учился сынок Чубайса.

Катерина ездила из Санкт-Петербурга в Москву исключительно на «Красной стреле» и в «Интуристе», имела мобильный телефон (они тогда только начали появляться) и даже каталась за границу – и не один раз.

Ради нее Аделаида переехала в Петербург, но, пока они ждали, когда построят новый дом, в котором она купила квартиру, шустрая дочь укатила в Москву, по Интернету познакомившись с какой-то теткой, которая устроила ее на высокооплачиваемую работу. Так прошло года два: Аделаида жила с Манечкой в новой квартире в Питере, дочь снимала квартиру в Москве.

Естественно, Катерина начала уговаривать ее продать квартиру и переселиться в Москву. И понятно, что Аделаида недолго думала – ведь надо было помочь родному дитяти, для кого же мы тогда живем, как не для своих детей?!!

Когда сделка купли-продажи была совершена, прикатила Катерина и, пересчитав доллары, небрежно сунула их в свою сумку. Аделаида ничего не имела против – она ведь собиралась жить вместе со своей любимой девочкой и полностью ей доверяла.

И как оказалось, зря, потому что с этого момента она прошла все круги ада. Катерина, купив квартиру по своему вкусу, оформила все документы на себя, и стала всеми силами отделяться от ставшей ей не нужной матери.

Аделаида (вместе с Манечкой) очутилась в чудовищной ситуации – без денег, без квартиры, без дочери... Они голодали, потому что работать Аделаида не могла: ее каждый день трясло и колотило, она была близка то ли к инфаркту, то ли к психушке. Так продолжалось очень долго – больше года. Как раз тогда случился крупный теракт: террористы захватили мюзик-холл на Дубровке. Аделаида в тот день куда-то поехала, и, спустившись в метро, позвонила знакомой.

– Деля, вернись домой! Террористы захватили людей. – Знакомая была очень встревожена.

И тут Аделаиду прорвало.

– А мне плевать! Я уже год как в заложниках у собственной дочери, я могу умереть, и никому нет до меня дела!

Но Аделаида не умерла – выкарабкалась. Вот тогда-то они и попали в деревню, где Манечка, всю жизнь прожившая в Москве «среди народных артистов», очень быстро деградировала без привычной среды, а Аделаида познала все прелести тяжелого крестьянского быта.

С тех пор ее дочь числилась в тройке самых подлых личностей, встреченных Аделаидой в своей довольно длинной жизни. Но это на ней не отразилось: она нашла еще более крутую работу и купила себе шикарную квартиру. Живя припеваючи, она никогда не вспоминала о своей матери – Аделаида могла заболеть, окочуриться, и все, что угодно: дочери до этого не было никакого дела.

Очевидно, в дальнейшем жизнь расставит все по своим местам, и каждый получит «по делам его». Наверное, в таких ситуациях не люди должны судить, а кто-то или что-то, который видит всю картину во всей ее полноте. Нам не понять планов Провидения, не понять, по справедливости или нет воздается подлецам и праведникам. Поживем – увидим, как в дальнейшем сложится жизнь Катерины, ну а Аделаида уже, конечно, никогда не оправится от нанесенного ей родной рукой удара.

Но несмотря на то, что она очутилась в страшном тупике, она не могла позволить себе раскисать. На самоубийство она просто не имела права – на ее руках была беспомощная Манечка, да и не считала Аделаида это выходом из положения в любом случае.

Как-то раз Аделаида коротала время на Белорусском вокзале, ожидая своего поезда, и случайно забрела в парикмахерскую, где познакомилась с ее владельцем, молодым женщиной, и они разговорились. Аделаида почему-то расположилась к нему и рассказала ему о том, что произошло в ее жизни.

– Я удивляюсь тому, что вы все равно остались такой оптимисткой, – сказал молодой человек, выслушав эту душераздирающую историю. – Любой на вашем месте сломался бы.

Конечно, Аделаида не осталась «оптимисткой» – это было преувеличением. Но и сдаваться просто так и опускать руки она не собиралась. Это походило на действия окруженных врагами бойцов в войну – они умирали, но дорого отдавали свою жизнь!

Глава 4

А положение у Аделаиды было практически безвыходным, и только чудо могло ее спасти.

Аделаида, когда они стали сдавать Манечкину квартиру, много ездила по разным странам, где-то могла даже остаться, но не сделала этого, и не потому, что была «квасной патриоткой» – просто она не видела для себя в этом ничего хорошего. Ей было за границей неинтересно. И в Штаты она собралась не потому, что рассчитывала, что там на нее повалится манна небесная, а потому, что хотелось хоть немного заработать на небольшую квартирку, пока еще были какие-то силы и возможности. Она умела все – могла быть домработницей, няней, кем угодно. Единственное, чего она не умела – это водить машину: так и не научилась, к сожалению, хотя несколько лет прожила рядом с автошколой.

Мечта ее была скромнее некуда: заработав годика за два энную сумму, вернуться, купить в небольшом городке маленькую квартирку, и на старости лет уютно проводить время, сидя у компьютера в любимом интернете (коего была фанаткой), общаясь с виртуальными друзьями, которые ее очень любили – Аделаида всегда получала от них комплименты, что она – интересный человек и им нравится с ней общаться.

Причем в интернете она заводила друзей быстро, сотнями, ее друзьями считали себя многие – от мала до велика. Про таких, как она, говорят: коммуникабельный человек.

Впрочем, и в жизни Аделаида имела раньше кучу знакомых (и не только на почве секса). Она была доброй, не жадной, не обидчивой, отзывчивой на чужие беды, всегда помогала, чем могла, в трудную минуту. К ней обращались, не церемонясь, зная, что если что-то от нее зависит, она в лепешку расшибется, а сделает. Конечно, зависело от нее не так уж много, но все же...

Вы скажете, дорогой читатель, что автор чересчур идеальный образ тут рисует. Но уверяю вас, в нашей жизни еще встречаются отзывчивые люди, и не так уж их и мало. Автор

лично знает таких. Думаю, что и вы, читатель, сразу вспомните кого-то из ваших знакомых, кто отнесся к вам по-человечески, как и нужно относиться друг к другу, несмотря на обилие отрицательных эмоций в нашем обществе, проистекающих, как правило, от низкого уровня общей культуры.

А что вы хотите?! Когда-то русская интеллигенция считалась самой элитной в мире, потом наступили времена, когда слово «интеллигент» стало ругательным: «Ну ты, интеллигент, а еще в очках!» (Вариант: «А еще шляпу надел!»)

Планомерно истребили лучших людей – генофонд нации. Ну и с кем остались, господа хорошие? Посмотрите вокруг. Давно уж наступило «Царство Грядущего Хама», о котором когда-то предупреждали гении Серебряного Века, лучшие умы, глядя, как пьяная матросня и солдатня издевается над «буржуем в котелке и с тросточкой».

Об этом писано-переписано, зачем повторяться? Помочь ничем уже нельзя, увы!

Автор своей книгой призывает (слабым, еле слышным голосом) только к одному: давайте каждый начнем с себя – взгляды, а какие мы по отношению к окружающему миру? Правильно ли мы живем, особенно в те часы, когда нас никто не видит и не контролирует? И постараемся, очень постараемся хотя бы не делать никому зла, если уж не получается делать добро...

Вот и все. Это же так просто!

Однако вернемся к Аделаиде. Она заметила, что с возрастом ей стало все труднее совершать какие-то поступки – тянуло в рутину, в ничегонеделание, в мягкую постельку полежать с детективчиком, чтобы ни о чем не думать... Требовалось все больше усилий, чтобы заставить себя сделать что-то даже элементарное, активность – и физическая, и умственная – стала резко стремиться к нулю, приходилось напрягать остатки воли, чтобы совершить крохотное действие, а стимулы при этом должны были быть очень велики, иначе себя было не уговорить.

Глядя на Манечку, Аделаида содрогалась – все, что угодно, только не такая вот старость. Манечка превратилась в настоящий «овощ»: она исправно, с большим аппетитом, ела, прекрасно спала, у нее отлично функционировали все органы (Манечка почти не обращалась к врачам и не принимала таблеток), она любила пообщаться, сообщая об одном и том же десятки раз в день вот уже несколько лет...

Это было страшно, и это было наглядной претензией к Богу, в существование которого Аделаида не верила, хоть и относилась к нему при этом крайне отрицательно – вот такой вот парадокс!

Глядя на Манечку, Аделаида вспоминала еще множество других своих знакомых старушек. Очень давно, когда она была совсем молодой, она попала в дом интереснейшей личности – профессора консерватории, известной пианистки, осколка начала двадцатого века, которая создала свою пианистическую школу, воспитав множество известных даровитых музыкантов.

Как все очень молодые люди, Аделаида тогда считала стариков сплошь отсталыми мараматиками, и была очень удивлена, когда поняла, что она в подметки не годится этой старушке, которая, будучи парализованной, продолжала вести класс в консерватории, занимаясь каждый день по несколько часов с учениками дома.

Аделаиде и сейчас было далеко до нее – по степени эрудиции, ума и таланта, да что там – вряд ли найдется какой-нибудь доцент, или даже профессор МГУ, который сравнится бы с этой, казалось бы, отжившей дряхлой старушкой, если бы их посадить друг напротив друга и сравнить их умственный потенциал.

У этой профессорши, блестящей в прошлом пианистки, было две дальних родственницы, тоже стареньких. Сын одной из них увез их к себе в крупный уральский город, где он был всем известен, так как работал артистом драматического театра, даже имел звание заслуженного.

И вот однажды Аделаида ехала с маленькой дочкой мимо этого города, и вдруг ей пришла в голову идея сойти с поезда и навестить этих старушек, которых она не видела несколько лет. Их адрес она знала, но, когда стала звонить в дверь, ей никто не открыл.

Их соседка по лестничной площадке поведала ей историю в духе Достоевского. Старушек (сразу обеих) убила жена артиста, когда он был на гастролях. То ли старушки были отнюдь не сахар, то ли вмещалась сюда ревность (артист был красив, женщины на него вешались сотнями, и он им, судя по всему, не отказывал), которую каким-то боком жена выместила на них в чем не повинных старушках.

Дикая история, но абсолютно не вымышленная, несмотря на то, что попала она в художественное произведение. Но выдумать такое, наверное, невозможно. Хоть Аделаида и была уверена, что на убийство способны только примитивы и недоразвитые особи, этот случай опровергал собой все теории на свете, так как убийца, в данном случае, была интеллигентным человеком, врачом-гинекологом, да она была к тому моменту уже далеко не молоденькая, сильно за шестьдесят.

Впрочем, Аделаида понимала, что «сорваться» теоретически может каждый. Но «убийство в состоянии аффекта» давно уже перестало быть типичным преступлением нашего времени – сейчас лидируют «убийства из корыстных побуждений», попросту говоря, сплошь и рядом идет отъем частной собственности, это превалирует даже над так называемой «бытовухой», которая когда-то процветала в нашем обществе, как в самой пьющей стране мира.

Но все это волновало ее меньше всего, так как тот «золотой» период, когда у Аделаиды водились «приличные» во всех смыслах деньги, давно остался позади. И другого такого массового наплыва денег в ее жизнь явно не предвиделось...

Аделаида понимала, что, сидя сиднем в деревне, она ничего не добьется – как говорится, «под лежачий камень...» Но деревня цепко держала ее в своих объятиях, как в паутине – дергайся не дергайся, а вырваться отсюда было весьма проблематично.

А три года назад она приползла сюда, как раненное животное – после того страшного удара, который обрушила на нее дочь. Но, как только удалось вернуть какие-то деньги, она даже наладила здесь кое-какой быт: притащила на себе из Москвы спутниковые тарелки, подключилась к НТВ+ (при том, что весь народ в окрестностях смотрел две программы, и то кое-как транслируемые, Аделаида наслаждалась цифровым телевидением). Было дико, сидя в забытом Богом Малом Мякишеве (так называлась деревушка), среди лесов, наступающих со всех сторон, смотреть передачи из Рима или из Парижа. Все то же самое могли иметь и остальные обитатели деревни. Они отнюдь не были бедными, пенсии доходили до шести-семи тысяч, а у той же бабки Верки она перевалила за десять тысяч рублей: бабка оказалась хитрой и сделала себе «липовые» справки, что, якобы, она была блокадницей, и поэтому ей положены всякие надбавки, хотя все старухи прекрасно помнили, как в войну молодуха Верка находилась в этой же самой деревне и всю спекулировала спиртягой. Но наше государство обмануть нетрудно, поскольку этот обман уже давно идет с обеих сторон.

Короче говоря, никакой такой «цивилизации» в виде нормального телевидения или интернета здешним обитателям просто не было нужно: отсутствовала внутренняя потребность. Их вполне удовлетворяло их убогое существование. Летом они ковырялись в земле, засаживая в грядки огурцы, морковь и свеклу, все имели какую-то скотину – коз, поросят, а также курочек, а к прочим животным относились в высшей степени жестоко и безобразно: собаки сидели на цепи (у одной бабки это была болонка, а у другой – маленькая добрая дворняжка, которая выла целыми днями), их практически не кормили.

В нагрузку к «хозяйству» у них шли мексиканские сериалы – вот и вся их «духовная пища», ну и каждодневное перемывание косточек друг другу тоже входило в их обычные деревенские развлечения.

Аделаида почти не общалась с «аборигенами», отгородившись от них сплошным деревянным забором. Несмотря на свою отзывчивость, она не хотела иметь с ними ничего общего после того, как поняла, что главный интерес, который они к ней питают – это желание обобрать

ее, пусть даже то, что она имела, им было совсем не нужно, но алчность этих, с позволения сказать, людей не знала пределов.

Домишко у Аделаиды был весьма незатейливый, сработанный очень топорно крестьянами лет тридцать назад из нехитрого материала – бревен, украденных в лесу, и разномастных досок. Но – стоял! И даже зимой в нем было вполне тепло, жить было можно! Только заносило деревню снегом чуть не по самые крыши. И залететь сюда зимой можно было разве что на вертолете, потому что слабенькую тропинку, протоптанную к «большаку» (так называлась не асфальтированная дорога, ведущая от села к селу) все время надо было протаптывать по новой, иначе ее было не угадать среди сугробов. А делать это было некому. Если летом здесь и водился кой-какой народ – дачники из Москвы и Питера, то зимой жили только три старухи (Баба Бабариха, бабка Верка и бабка Тонька), алкоголик Гошонок и семья москвичей с Арбата, осевшая здесь пятнадцать лет назад и случайно укоренившаяся.

Эти бывшие москвичи жили своей жизнью, почти ни с кем не общаясь, никого не приглашая к себе, и сами ни к кому не ходя, жена занималась деревенскими делами, обеспечивая существование, а муж втихую пил.

Манечка (когда еще находилась в своем уме) называла все это изысканное общество «бомондом», чувство юмора в те недалекие времена у Манечки было хоть куда. Например, Баба Бабариха именовалась у нее гордым словом «визави», которое шло к ней, как к корове седло.

И еще неподалеку от деревни бродили волки, медведи, лисы и кабаны, а также зайцы, ежики и прочая лесная живность, с ними Аделаида встречалась часто, кроме, конечно, волков и медведей.

А однажды над лесом (хотите верьте, хотите нет) завис НЛО. Аделаида не то чтоб не верила во все это – просто никогда не приходилось сталкиваться с таким явлением. Она понимала, что есть на свете («друг Горацио») много такого, о чем человек никогда не узнает, живи он на этой планете хоть миллион, хоть миллиард лет. Например, не узнает, кто мы и откуда взялись. А главное – зачем???

На нынешнем этапе развития науки ученые и философы (которых Аделаида любила почитать) объясняли это так: якобы человек был создан и нужен для того, чтобы его посредством Вселенная могла познавать сама себя. (То есть, короче говоря – человек является инструментом самопознания Вселенной).

Но что-то очень ограниченными возможностями наделили этот «инструмент самопознания», до обидного ограниченными... Да и проводил свою жизнь человечек совсем не в «познании», а занимаясь все больше скучненькими делишками по обеспечению своего выживания, которое ему ох как нелегко давалось, как в глобальном масштабе, так и в его маленькой коротенькой жизни.

Опять же, Аделаида соглашалась с тем «порядком вещей», что каждый человек должен был исчезать с лица земли, иначе (если бы люди были вечными) случился бы невероятный застой, и эволюция, в необходимости которой нас давно уже убедили ученые, в итоге сошла бы на «нет». То есть, для того, чтобы прогресс шел полным ходом, поколения должны сменять друг друга. Вроде бы это азбучные истины. Но как жестоко – согласитесь? – наделить человека Разумом, знающим, что вскоре он уйдет в никуда?! Господь Бог – явный маньяк-садист, ведь каждую секунду он наслаждается страданиями уходящих! А все эти сказки о вечной жизни придуманы, как жалкое утешение для тех, кто привык себя обманывать.

И еще Аделаида не могла простить Богу самого главного: что живое пожирает живое: и в природе – ведь маленьких волчат тоже жалко, они умрут, если не покушают зайца; и в человеческой жизни, когда убивают симпатичную умную свинку или миленького ласкового теленка...

Аделаида думала об этом часто. Но вот ведь что странно: она не могла стать вегетарианкой! Больше всего на свете она любила мясо. Стоило ей не поесть мяса неделю, как она чувствовала себя не в своей тарелке, начинала заболеть физически, ей страшно не хватало вкусной жареной отбивной, сочащейся дымящим соком!!!

Может быть, астрологи в чем-то все-таки правы, и астрология не такая уж лженаука: Аделаида была по гороскопу Лев, а родилась она (по китайскому календарю) в год Белого Тигра. Как сказала ей одна тетка-экстрасенс, это было «убойное» сочетание.

Она ехала в поезде Петербург – Москва, точнее, в «Авроре», и напротив сидела женщина, всю дорогу как-то пристально на нее глядевшая. И вдруг она спросила у Аделаиды:

– Как же вам живется среди мертвецов?

Аделаида опешила, но почему-то поняла, о чем говорит эта странная женщина, почему-то она сразу уловила подспудный смысл ее слов. Та имела в виду, что Аделаида живет среди «духовных мертвецов», ведь большинство людей рождаются, живут и умирают, так и не став людьми в полном смысле этого слова, поскольку вся их жизнь проходит во внешних проявлениях, такие люди (а их большинство) не имеют внутреннего мира, а живут тем, что зарабатывают деньги, делают карьеру, рожают потомство и совершенно не задумываются, для чего все это (и правильно делают!!!)

Вот что имела в виду ее соседка по купе, и Аделаида ее прекрасно поняла. Но как ответить на такой сложный вопрос? Аделаида пожалала плечами.

– Да так, живу вот как-то, что еще остается?

Женщина после этого совсем «разошлась»: она стала говорить такие вещи, которые приводили Аделаиду в дикое смущение, она даже оглядывалась на окружающих (которых, кроме них, было еще четверо – в «Авроре» в купе втиснуто шесть человек: трое сидят напротив еще троих).

Но окружающие совсем не понимали, о чем шла речь, и не обращали внимания на странные слова странной тетки. А та, между тем, говорила Аделаиде такие «комплименты», которые, по мнению Аделаиды, вообще нельзя было произносить вслух (хотя в глубине души она все это знала про себя с раннего возраста, но одно дело – знать внутри, а другое – когда все это говорит совершенно незнакомый человек, который, к тому же, совсем ее не знает... хотя и говорит такое, вроде эта женщина провела с ней целую жизнь).

Аделаида пыталась остановить поток льющих на нее эпитетов вроде «гениальная», говоря, что она их совсем не заслужила, но женщина не унималась, и Аделаида вздохнула с облегчением, когда поезд подошел к Москве. Женщина сказала, что никогда и никого из посторонних не приглашает в гости, но вот с Аделаидой ей хочется общаться часами, и дала ей свой телефон и адрес. «Ну уж нет, – подумала Аделаида, и сбежала.

Конечно, гениальной себя Аделаида уж точно не считала. Гении – это там Бетховен, или Лев Толстой, или, к примеру, Пушкин...

А Аделаида, имевшая недюжинные способности, по большому счету, «похерила» все в жизненной суете. Чем только бог ее ни наградил – например, музыкальностью, Аделаида в детстве окончила музыкальную школу, можно было пойти в музыкальное училище, кстати, звали, а дальше светила консерватория. Но Аделаида представляла себе, какой это вообще-то адский труд... и все желание стать музыкантом быстренько отпало. К тому же, слишком разнообразны были ее интересы, чтобы сосредоточиться на одной только музыке.

Она могла быть и музыковедом, и литературным критиком, и лингвистом (проблемы языка тоже всегда ее живо интересовали, ведь язык – это целая вселенная со своими очень трудно поддающимися постижению загадочными законами). А ее способности к иностранным языкам! Ей ничего не стоило выучить любой. В тех странах, где она бывала, она пыталась говорить с жителями на их языке и, как бы чудовищно это ни звучало – ее почему-то всегда понимали!

Но то ли из лени, то ли просто не до того было – толком она не выучила даже свой любимый ею в молодости французский язык. А ведь могла переводить французских поэтов, когда-то даже пробовала – и неплохо получалось.

Да что там – она писала свои стихи, которые как-то дала прочитать Анастасии Цветаевой, а уж люди из этой семьи понимали толк в стихах! Цветаева сказала ей, что надо печататься, но Аделаида представила, как она ходит по редакциям, предлагая свое, можно сказать, самое сокровенное, а равнодушные тетки и дядьки, зевая, говорят ей:

– Вы бы, девушка, лучше про Владимира Ильича написали, как он с детишками дружил, а у вас тут какая-то белиберда...

А потом она просто растеряла листочки со стихами в водовороте, который ее кружил (и кружит по сей день).

Когда Аделаида заимела ребенка, ей пришлось много писать за других – за это хорошо платили. Написав кому-то диплом, она еще и печатала его на машинке, тогда ведь не было компьютеров. Так и научилась очень быстро «шмалять», зарабатывая очень неплохие деньги, рублей по триста в месяц, а это тогда было зарплатой профессора.

Она вешала объявления где-нибудь на факультетах МГУ, и народ валил валом, потому что Аделаида славилась, как исполнительная, аккуратная, всегда все делавшая в срок, никогда никого не подводившая (иногда приходилось не спать по несколько ночей, чтобы выручить нерадивых студентов, приносивших свои «творения» в последний момент), к тому же она бесплатно исправляла стилистические (не говоря уж об орфографических) ошибки, а иногда и просто заново все писала. Некоторые иностранные студенты (особенно почему-то негры) приносили такое: «Она пошоль ходить», а один будущий кандидат исторических наук на протяжении всей своей диссертации много раз употребил выражение: «с глубоким уледотворением»... Да много было разных казусов, но всем Аделаида помогла и закончить институт, и защититься (одному студенту литфака даже понизили оценку, так как не поверили, что он способен написать такой диплом), и много еще чего было! Так что это самое «уледотворение» Аделаида испытала в полной мере – свое дело она делала отлично, люди были довольны, приходили кто с тортом, кто с цветами, а что никто, кроме заказчиков, не знал, что за всем этим стоит Аделаида – так ведь она не нуждалась в славе, она раз и навсегда отвергла для себя все эти фальшивые гуманитарные науки, это и настоящей наукой-то нельзя было назвать, это было сплошное извращение, продолжавшееся семьдесят лет.

И если мы преуспели в том, что «наши космические корабли бороздят просторы Вселенной», то для гуманитарных наук это были потерянные десятилетия.

Когда началась «перестройка», Аделаиде принесли печатать диплом юноша с философского факультета, его заголовок был: «Общая теория систем». Аделаиду всегда интересовали такие вещи, поэтому, когда юноша пришел забирать отпечатанный диплом, она позволила себе сделать ему несколько замечаний. Тот разинул рот – впечатление было такое, что заговорила обезьяна, ведь он же явно был уверен, что она – простая машинистка, а тут вдруг – свободное владение темой.

Паренек, пришедший в себя через несколько минут, послушался Аделаидиных резонов, и защитился с блеском, а после защиты притащил к ней своего руководителя – доктора философских наук. Немного пообщавшись с Аделаидой, тот предложил ей идти учиться к ним на факультет. Увы... для Аделаиды все это уже было поздно – существовал ребенок, который нуждался в ее заботе, а для этого надо было много работать, чтобы заработать на «прожиточный минимум» и сверх того...

Так что философия, очень сильно интересовавшая Аделаиду, пошла побоку – философией сыт не будешь; но еще старик Ионас, дедушка Аделаидиной дочери, который тоже, как никак, был профессором юриспруденции и другом Анастасии Цветаевой, а также доктором

философских наук, говорил Аделаиде, что она единственная женщина, с которой можно рассуждать на философские темы – а главное (надо же!), она всё-всё понимает...

Глава 5

Перемешав голубцы с философией, автор, спотыкаясь, движется по канве Аделаидиной жизни, в которой, как говорят наши люди, «без бутылки не разберешься» (читатель наверняка уже несколько застопорился, запутавшись во всех этих разборках деревенских бабок друг с другом, и не понимая, какое отношение это имеет к Аделаидиным «претензиям к Господу Богу», который вообще не тот, за которого его обычно принимают все нормальные люди, а какая-то вполне конкретная «личность», которую Аделаида упрекала каждый раз, когда жизнь ее била по голове, а это было довольно часто).

Больше всего на свете Аделаида не любила рано вставать. Все, что угодно, только не это, потому что рано утром Аделаида была не человеком, а бесформенной протоплазмой, абсолютно ни на что не годной, так что не только из «идейных» соображений, но и вполне по конкретной причине – полного ее отсутствия в самой себе по утрам, она не могла ходить на работу, как все люди, потому что для того, чтобы к девяти часам утра попасть на эту самую работу, надо, как известно, встать не позже семи часов утра. А Аделаида на такое была органически не способна даже разово, уж не говоря о том, что этот подвиг надо было совершать в течение многих лет каждый божий день.

Вот и получилось, что прожила она свою жизнь «тунеядкой». Как-то вот так прокрутилась много лет – и это в те годы, когда за такое могли заслабо посадить в тюрьму!!! И не голодала при этом («птицы небесные не жнут, не сеют...»), и дочь вырастила, которая однажды даже пошутила по этому поводу, когда они улетали из Англии, а перед отлетом Аделаиде лень было заполнять какую-то там бумажонку, которую подсунули им на таможне. Поворчав что-то насчет «дискриминэйшн оф зе рашен» (потому что это заполняли только русские, а все прочие проходили просто так – Аделаида это отметила), она передала эту бумагу дочери, которая отлично знала английский. Та заполнила обе анкеты (или что там было) – и свою, и Аделаидину. А в самолете вдруг Аделаида обратила внимание, что Катька то ухмыляется, то откровенно ржет.

– В чем дело? – Аделаида сразу заподозрила подвох. – Что ты там написала?

– Да там была графа «Работа», я и написала в твоей бумажке: «Профессиональная тунеядка». Скажи спасибо, что не «профессиональная проститутка», а то они никогда больше не впустили бы тебя сюда, а вот что такое «тунеядка» – они вряд ли разберутся...

Да уж... Наверняка это было специфически русское (даже скорее советское) понятие. Как бы там ни было, Аделаида осталась без пенсии! Без куска хлеба на старости лет!!!

Впрочем, она не собиралась жить до старости. На свете было три самых страшных вещи: рак, СПИД и старость, все остальное было детскими игрушками.

Аделаида дважды попадала на операционный стол. Надо сказать, что лечиться она дико не любила и по врачам старалась не ходить, даже когда была сильно больна. Но вот после родов у нее вдруг начала расти опухоль на правом плече – так называемая липома. Она долго не обращалась в больницу, да и не до этого было с маленьким ребенком, но когда опухоль стала уже величиной с добрую дыню (причем росла она как на дрожжах), Аделаиде ничего не оставалось делать, как пойти к хирургу. Лечь в стационар она не могла – не с кем было оставить ребенка, и хирург велел ей придти в назначенный день. Когда Аделаида пришла, она тряслась от страха, но, прождав хирурга часа два, она перестала трястись – какой смысл, когда операции-то, может, еще и совсем не будет сегодня? Так и получилось – хирург был страшно занят, ему было не до Аделаиды, которой он назначал прийти на операцию еще раза три – и все с тем же результатом: постояв два часа под дверью операционной, Аделаида уходила домой. Страх раз за разом становился все меньше и меньше, пока не исчез совсем.

Наконец, Аделаиду пригласили на операцию, но уже не к хирургу (он так и не освобо-дился, а может быть, счел ее болячку не заслуживающей своего внимания), а к двум моло-дым парнишкам-практикантам. У Аделаиды, что называется, не дрогнул ни один мускул, и она не испытала ровным счетом ничего, ноль эмоций, когда входила в операционную.

Ее положили вниз лицом, накрыли простынями со всех сторон, она почувствовала пер-вый укол, а остальные пять или шесть (опухоль тщательно обкололи) были уже совершенно нечувствительны. Дальше ей разрежали кожу – но ощущение было такое, что на ней надета шуба, и режут эту шубу.

Парнишки, подлюги, при этом еще и отпускали дурацкие шуточки: «А вот сейчас мы ручкуотрежем... А вот сейчас мы головкуотрежем...», и Аделаиде очень хотелось на них наорать, чтобы не валяли дурака.

Под конец они ей показали желтую жировую гроздь наподобие виноградной, и зашили плечо с тем же Аделаидиным ощущением, что они манипулируют с какой-то надетой на нее шубой.

Ей помогли встать и одеться, и она пешком пошла домой, опасаясь только упасть, потому что стоял сильный гололед, дело было в декабре.

Это действительно была пустяковая операция по сравнению с той, которую она перенесла года на полтора раньше.

Она была беременна, когда начались большие неприятности: отец и дедушка ее ребенка выгнали Аделаиду на улицу, и не было ни одной живой души, которая хотела бы ей помочь. Аделаида уже думала покончить с собой, и, наверное, сделала бы это – положение-то было совершенно безвыходным: ни денег, ни квартиры, страшная боль от предательства самых близ-ких людей, которые совсем недавно делали вид, что любили ее... Конечно, не будь ребенка внутри нее, она не осталась бы в живых (хотя позже она поняла, что эти два человека – отец и сын – не стоили и тысячной доли ее страданий, да и вообще ничего они не стоили, но задним числом все бывает совсем по-другому, нежели в какой-то роковой момент).

Она не могла вместе с собой убить свое дитя, потому что очень хотела его, часто пред-ставляла, как он родится (она почему-то думала, что будет мальчик) и скажет ей: «Мама!»

Но, видимо, она испытала чересчур сильный стресс, потому что, кроме ребенка, внутри начала расти и опухоль. С каждым днем боль все усиливалась, но Аделаида терпела, во-первых, она вообще была терпеливым человеком, а во-вторых, будучи совсем неопытной, она думала, что при беременности так и положено.

Наконец, боль стала просто нестерпимой. Аделаиду она застигла на улице прямо рядом с аптекой, где она купила анальгин, и тут же приняла несколько таблеток. Выйдя из аптеки, она почувствовала, что у нее зеленеет в глазах, и завалилась без сознания.

Очнулась она от того, что над ней склонилось чье-то лицо. Это прохожие догадались вызвать «Скорую помощь».

– Сейчас мы вас отвезем в больницу.

– Не надо в больницу!

– Нет, надо.

И ее отвезли в больницу, которая до революции была больницей для бедных, и так, видимо, ею и осталась (лет десять назад ее, наконец, снесли). Туда привозили людей, подо-бранных на улице: бомжей, проституток, сифилитиков. Зато врачи там были очень опытные.

К ней сразу же подошла пожилая еврейка, хирург, по имени Инна Исааковна Цукерман, и, осмотрев ее, сказала:

– Не хочу вас пугать, но вас нужно немедленно оперировать. Положение очень серьезное. Аделаида не поверила.

– Я не хочу! Я не верю!

– Сейчас я приведу еще одного доктора, и, может быть, тогда вы поверите, наконец. Только плохо, что мы теряем драгоценное время.

Она привела какого-то старого еврея, тот, осмотрев Аделаиду, подтвердил, что «промедление смерти подобно».

– У вас киста яичника размером с головку младенца, она крепится к яичнику на ножке, которая сейчас перехлестнулась, поэтому вам так больно. Если тянуть резину, произойдет омертвление тканей, и вы погибнете.

Боль стала такой невыносимой, что Аделаиде было уж все равно, она махнула рукой:

– Делайте, что хотите!

Ее не обрабатывая срочно покатали в операционную, Аделаида еще успела отметить, что комнаты, по которым они проезжали, были какими-то грязными. В операционной ей воткнули в руку огромную иголку, из которой в Аделаиду попадало снотворное, находящееся в очень большой бутылке, подвешенной над ее головой. Но боль терзала ее внутренности с такой силой, что не давала Аделаиде заснуть.

Над ней наклонилась анестезиолог:

– Ты, часом, не наркоманка? Смотри, на тебя не подействовало такое количество снотворного...

– Что вы! Я даже почти не пью!

Только когда поставили вторую бутылку, Аделаида провалилась в небытие.

В больницу ее привезли около двенадцати часов дня, но, когда Аделаида очнулась, вокруг был тусклый желтоватый электрический свет, значит, уже наступил вечер.

Но очнулась она не сразу – со снотворным все-таки переборщили. Сначала она услышала, как ее зовут по имени:

– Аделаида, проснись! Аделаида!

Но она почему-то не могла ни ответить, ни пошевелить ни одним своим членом, и ей показалось, что сейчас все подумают, что она уже мертвая, и зароят ее в могилу.

Но потом все-таки к ней стало возвращаться зрение, и она увидела врачей, склонившихся над ней.

Больные в огромной палате (наверное, человек сто!), куда ее поместили, потом рассказали ей, что ее никак не могли вывести из-под наркоза, оттопыривали веко – глаза были закатаны, она не реагировала. Когда ее уже собрались отвезти в реанимацию, она начала приходить в себя, пошевелилась.

Санитарок не было, больные сами помогали друг другу. Еще Аделаиду мучил запах собственной блевотины – ведь перед любой серьезной операцией сутки не дают есть, а ее привезли с улицы прямо на операционный стол – вот и результат, во время беспамятства ее вырвало, так действует наркоз.

На третий день ее покормили каким-то противно пахнущим «бульоночком». А на следующий день она очень сильно захотела есть, аппетит проснулся прямо как у слона. И на ее счастье ее разыскали знакомые – Светка Стрижак со своим парнем Володей, которым она и заказала, чтобы они принесли ей жратвы, и они в тот же день устроили ей шикарнейший обед – Аделаида помнила, что, кажется, туда входила жаренная курица (мама Светки, Анна Георгиевна, вообще готовила отменно).

Аделаида, сожрав страшное количество вкусной еды, пардон, обосралась. А врач ей сказал, что она сделала ужасную вещь – всю неделю надо было питаться только «бульончиком», она могла умереть! Но, к счастью, Аделаида отделалась только конфузом из-за «неприличного» поведения своего организма.

Больница находилась рядом с синим куполом церкви, где, вроде бы, венчался Чайковский. И Аделаида обнаружила, что воспринимает весь мир очень ярким, купол просто сиял насыщенной синевой. Вообще все кругом воспринималось так, будто Аделаида только что

народилась на свет: краски были многоцветные, яркие, звуки отчетливые, все было какое-то необычное, не как всегда. Впрочем, через неделю-другую все опять вошло в свою прежнюю колею, и мир как-то потускнел... Может быть, такие странные ощущения вообще бывают у тех, кто чуть не откинул копыта?!

Даже еда стала необыкновенно вкусной – до предела обострились вкусовые ощущения. (Впрочем, все девять месяцев, проведенных со своим ребенком в глубине ее организма, Аделаида лопала с большим удовольствием, ее ни разу не тошнило, как всех прочих беременных женщин, поэтому прибавила она в весе просто чудовищно – 25 кг!)

В одну из ночей, проведенных в больнице, Аделаида никак не могла уснуть. А необыкновенная активность и даже какое-то ликование, овладевшие всем ее существом, не давали ей спокойно лежать в кровати, и она пошла бродить по огромному зданию (величиной с целую улицу). Преодолев многочисленные переходы, она попала в обширный коридор, похожий на кладбище или на морг – даже не на кроватях, а на каких-то досках лежало чуть ли не в позах усопших множество старух. Они были, конечно, еще живы, но почему-то было件нятно, что жить им осталось совсем недолго, и что они совершенно никому не нужны.

Аделаида на всю жизнь запомнила это жуткое зрелище, эта картина часто всплывала в ее сознании. Что стоят все религии мира, вместе взятые, с их фальшивыми утешениями, когда в итоге человека ожидает такой вот конец?.. И разве можно верить в «милосердного боженьку», когда твоя жизнь заканчивается в грязной больнице на голых досках, где на тебя наплевать и Господу Богу, и людям? Даже картина Верещагина «Апофеоз войны» меркла перед этим душераздирающим зрелищем, да что там картина – сама жизнь теряла всякий смысл, если в итоге человека ожидало одинокое собачье издыхание в грязном коридоре отвратительной «больницы для бедных» (конечно, спорный вопрос и то, лучше ли умирать в современной дорожной больнице для миллионеров, окруженным кучей любящих родственников – как, например, Раиса Максимовна Горбачева? Наверное, она отдала бы все, что имела, лишь бы только остаться в живых и жить в самой беднейшей деревеньке, как Аделаида).

Вот о чем думала она, глядя из окна своей палаты на голубой купол церкви, где, якобы, венчался того же цвета композитор Чайковский. А купол этот, всегда вообще-то тусклый, всю сверкал пронзительной, торжествующей голубишной (или синевой, кому как больше нравится), как небосвод после хорошей грозы. Как мы уже писали, все чувства Аделаиды сильно обострились тогда.

И еще, вспоминая те далекие времена и тех забытых всеми старушек, она думала еще об одной такой же. У Манечки была старая тетка Вера, которая дожила до (страшно подумать!) 96-и лет, Дочь у нее, правда, была одна-единственная, но зато внуков – трое. Все они были, что называется, «хорошо пристроены»: дочь знала несколько языков, работала переводчиком в крупном издательстве, ее дети тоже закончили престижные вузы и имели хорошую, высокооплачиваемую работу, часто ездили за границу – короче, жили «полной жизнью» на зависть всем окружающим. Наверное, это была, все-таки, заслуга их матери и бабушки – Манечкиной тетушки Веры, раньше это называлось «вывести в люди».

Но когда эта тетка Вера состарилась и больше всего нуждалась в помощи и заботе близких, ее дочь сначала отселила беспомощную старушку в какую-то коммуналку (с глаз долой), а когда она вскоре попала в больницу, и начались ее последние часы пребывания на этой земле – дочь специально отключила телефон, чтобы ее не позвали к умирающей матери: не хотела себя «расстраивать» этим не очень-то приятным зрелищем!

Потом стало известно, что старушка, умирая, очень просила медицинский персонал позвонить дочери, чтобы та приехала попрощаться (она понимала, что умирает – была в полном сознании) – но так и не дождалась...

Аделаида не была знакома с теткой Верой, или, лучше сказать, была знакома с ней «заочно» – потому что иногда та от скуки звонила, и, если Манечки не было дома, с ней при-

ходило общаться Аделаиде. Они говорили часами. С точки зрения Аделаиды, старушка была правильным человеком, чего стоил один только ее принцип: в жизни ничего не нужно, кроме чашки и ложки. Аделаида была с ней глубоко солидарна.

Вот какие воспоминания пришли Аделаиде в голову, пока она пила кофе. Но с этой «больницей для бедных» оказалась связана и жизнь Катюшки, которая уже в утробе матери подверглась угрозе. Аделаида продолжала вспоминать о своем пребывании в этом довольно страшном месте.

У Аделаиды ведь должен был родиться ребенок (она была на третьем месяце беременности), поэтому, узнав, что у девушки, которую привезли вслед за ней и положили рядом, на соседнюю койку, обнаружен сифилис, Аделаида решила сбежать оттуда как можно быстрее. На пятый или шестой день после операции она спросила у врача на обходе:

– А можно мне встать – нитки не порвутся?

Врач ее уверил, что нитки выдержали бы даже кита, и Аделаида встала с постели, хоть и было еще очень даже больно. Тогда она была стройная, изящная, весила всего 47 килограммов, и все у нее быстро зажило. (Папочка с сыночком, узнав, что она попала в больницу, прибежали к Инне Исааковне и стали умолять ее, чтобы она ликвидировала их общее чадо, но было уже поздно. Ребенка сохранили, потому что перед тем как вырубиться, Аделаида просила об этом, а Инна Исааковна оказалась замечательным хирургом).

Так что опыт общения с медициной Аделаида имела богатый, хоть и, можно сказать, принудительный, потому что по пустякам к нашему здравоохранению Аделаида старалась не обращаться.

Манечка была приписана к элитной поликлинике, в которой лечились всяческие артисты театра и кино, и Аделаида всех их видела «в натуре», сидя вместе с ними в очереди к врачам. Конечно, ей было интересно, как и всем прочим «простым смертным», увидеть «живого артиста», а вот Манечке было полностью наплевать – она всегда была занята только собой и своими болезнями (которые любила себе выдумывать, чтобы визитом к врачу развеять скуку и под благовидным предлогом поговорить о своей персоне), и не обращала внимания на то, кто тусуется вокруг – хоть стадо крокодилов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.